

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР-PRO

Комплексные проблемы
современной политики

Complex problems
of a modern policy

POLITICAL VECTOR-PRO

научный журнал

2/2015

issn 2307-1516

Учредители:

Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Южно-Уральский государственный университет»
(национально исследовательский университет)

Челябинское региональное отделение
Российской ассоциации политической науки

Редакционная коллегия журнала:

Хвощев В.Е., к. филос. н., доцент, ЮУрГУ
(главный редактор);

Апрелева В.А., д. филос. н., проф., ЮУрГУ;

Балакин В.С., д. и. н., проф., ЮУрГУ;

Бурмейстер А.Н., заслуженный проф. Гренобльского ун-та;

Малышев М.А., проф.-исследователь, УАЕМ;

Придворова Ю.В., дизайнер, ЮУрГУ;

Русакова О.Ф., д. пол. н., проф., ИФип УрО РАН;

Сибиряков И.В., д. и. н., проф., ЮУрГУ;

Трегубов Н.А., к. пол. н., ЮУрГУ;

Фадеичева М.А., д. пол. н., ИФип УрО РАН;

Роберто Андрес Гонсалес Инохоса, проф.-исследователь, УАЕМ;

Мария Луиза Бакарлетт, проф.-исследователь, УАЕМ.

Адрес редакции:

454080, г. Челябинск
пр-т Ленина д. 76, оф. 458а,
НОЦ «Комплексные проблемы
современной политики»

тел./факс: +7 (351) 267 94 23,

email: vek@susu.ac.ru

Формат 70x108 1/16

Усл. п. л. 9,8

Тираж - 500 экз.

Номер заказа 249/377

Цена свободная

Периодичность выхода:

4 раза в год

© Издательский центр ЮУрГУ, 2015

© Издательство НОЦ «КПСП», 2015

АВТОРЫ
AUTHORS

Манола Сепульведа Гарса
Национальная Школа Антропологии и Истории , Мексика
Manola Sepúlveda Garza
The National School de Anthropology and History, Mexico

Эрминио Нуньес Вильявисенсио
Автономный университет штата Мехико
Herminio Nunez Villavicencio
Autonomous University of the Mexico State, Mexico

Роберт Стингл
Автономный университет штата Мехико
Robert Stingl
Autonomous university of State of Mexico

Фернандо Диас Ортега,
Франсиско Хавьер Дуарте Хове
Автономный университет штата Мехико
Fernando Díaz Ortega
Francisco Javier Duarte Jove
Autonomous university of State of Mexico

Виктория Лезьер
Форкалькейре, Франция
Leusiere Viktoriia
Forcalqueiret, France

Мирошниченко М.И.
Южно-Уральский государственный университет
Miroshnichenko M.I.
South Ural State University

Форсова Н.К.
Южно-Уральский государственный университет
Forsova N.K.
South Ural State University

СОДЕРЖАНИЕ

Манола Сепульведа Гарса

Коррупция властью и разложение «эхидо»
(на примере лидера Монтелонго,
Долорес Идальго, Гуанахуато).....6

Эрминьо Нуньес Вильявисенсио

О понятиях «мягкой, жесткой и невидимой власти»20

Роберт Стингл

Страх и разногласие как основания политики36.

**Фернандо Диас Ортега,
Франсиско Хавьер Дуарте Хове**

Симуляционная демократия:
юридически-электоральный подход
к Мексике XIX столетия51

Виктория Лезьер

Духовность народа
как стратегия безопасности России67

Мирошниченко М.И.

Государственное принуждение
в женском движении (по материалам Урала:
1920-е гг. – первая половина 1930-х гг.)..... 81

Форсова Н.К.

Влияние исторического традиционализма
на формирование гражданского
общества в России101

Требования к публикациям110

PV-PRO. COMPLEX PROBLEMS OF A MODERN POLICY

CONTENTS

Manola Sepúlveda Garza

Corruption caused by power and decomposition
of the "ejido" (case study of the lieder of Montelongo,
Dolores Hidalgo, Guanajuato)6

Herminio Nunez Villavicencio

About the concept
of «sowt, hard and invisible power»20

Robert Stingl

Fear and Discord as a political basis36

Fernando Díaz Ortega,

Francisco Javier Duarte Jove

The simulated democracy: juridical-electoral
approximation to Mexico of XIX century51

Victoria Lezyer

Spirituality of the people
as strategy of safety of Russia67

Miroshnichenko M.I.

State enforcement in the women's movement
(based on the Urals:
the 1920s – the first half of the 1930s)81

Forsova N.K.

Effect of historic traditions on the formation
of civil society in Russia 101

Requirements concerning the publication110

PV-PRO. COMPLEX PROBLEMS OF A MODERN POLICY

INDICE

Manola Sepúlveda Garza

Corrupción por el poder y descomposición ejidal
(El caso del líder de Montelongo,
Dolores Hidalgo, Guanajuato)6

Herminio Nunez Villavicencio

Sobre el concepto
«poder blando, duro e invisible»20

Robert Stingl

Angst und Zwietracht als politisches Fundamentos36

Fernando Díaz Ortega,

Francisco Javier Duarte Jove

La democracia simulada: aproximación
jurídico-electoral al México del siglo XIX51

Victoria Lezyer

Espiritualidad del pueblo como estrategia
de la seguridad de Rusia67

Miroshnichenko M.I.

La imposición estatal en el movimiento femenino
(basado en materiales de los Montes Urales
durante 1920 hasta la primera mitad de 1930)81

Forsova N.K.

La influencia del tradicionalismo histórico sobre
la formación de la sociedad civil en Rusia 101

Requisitos para publicación.....110

УДК 328.185 + 342.951:328.185 + 321.01:328.185

Манола Сепульведа Гарса

Национальная Школа Антропологии и Истории , Мексика

Коррупция властью и разложение «эхидо» (на примере лидера Монтелонго, Долорес Идальго, Гуанахуато)

Эмпирический анализ отдельных случаев высвечивает многообразие явлений сложно-организованного общества; в данном случае я описываю социальную динамику «эхидо» (сельскохозяйственного производственного коллектива, аналогичного колхозу в России) и анализирую причины его упадка. Краткий исторический очерк дает мне возможность определить модель формирования аграрного коллектива (с 1960 по 2014 годы). Опыт Монтелонго вписывается в сложный процесс перехода на рельсы товарных отношений, коррупции, изъятия земель у рядовых членов «эхидо» и выкачивания его ресурсов. И как результат – уменьшение количества населения, упадок сельскохозяйственного производства, безработица, неполная занятость и эмиграция в США. Проведенный анализ приглашает к размышлению по поводу последствий коррупции, в которой погрязла региональная власть и которая, под прикрытием католического дискурса, осуществляла безудержное обогащение без всякой оглядки на «моральное ведение хозяйства».

Ключевые слова: лидерство, коррупция, «эхидо», бедность, социальное разложение

UDC 328.185 + 342.951:328.185 + 321.01:328.185

Manola Sepúlveda Garza

the National School de Anthropology and History

**Corruption caused by power
and decomposition of the “ejido”** (case study of
the lider of Montelongo, Dolores
Hidalgo, Guanajuato)

Based upon the idea that case studies exemplify a diversity of situations that exist in a complex society, I analyze the social dynamic of an “ejido” (agricultural parcel unit similar to the Koljoz in Russia) and the causes of their bankruptcy. I am recapitulating their historical process from its origins to our days (1960-2014), highlighting the model of collective organizations. The Montelongo experience is based upon a complex process of transition where the commercial relationships can be accentuated aside from corruption, the dispossession of the “ejidatarios” (people running the ejidos), and the looting of resources. This situation has resulted in a disintegrated society in which agriculture is minimum, leading to predominant unemployment or temporary employment in nearby communities or in the USA. Through this analyses I call you to reflect upon the effects of corruption where regional power is managed by a catholic speech against a corruption mentality known as “billetista”, which abandoned an economy based on morality.

Keywords: leadership, corruption, ejido, poverty, social decomposition

CDU 328.185 + 342.951:328.185 + 321.01:328.185

Manola Sepúlveda Garza

Escuela Nacional de Antropología e Historia

Corrupción por el poder y descomposición ejidal

(El caso del líder de Montelongo,
Dolores Hidalgo, Guanajuato)

Con la idea de que los estudios de caso ejemplifican una diversidad de fenómenos que se viven en una sociedad compleja, analizo la dinámica social de un ejido (unidad producción agrícola similar a lo que fue el koljhoz en Rusia) y los causantes de su quiebra. Hago una reseña histórica desde su formación hasta nuestros días (1960-2014) en la que sobresale el modelo de organización colectiva. La experiencia de Montelongo se enmarca en un complejo proceso de transición donde se han acentuado las relaciones mercantiles, la corrupción, el despojo de la tierra a los ejidatarios y el saqueo de sus recursos. De lo anterior, ha resultado una población desintegrada donde la agricultura es mínima y lo que predomina es el desempleo y el empleo temporal ya sea en las empresas del vecindario o en los EUA. A través de este análisis invito a reflexionar en los efectos de la corrupción por el poder en regiones donde se maneja un discurso católico frente a una práctica "billetista" que dejó atrás los frenos de una "economía moral".

Palabras clave: liderazgo, corrupción, ejido, pobreza, descomposición social

Introducción. El ejido Montelongo se encuentra a 18 km al noreste de la cabecera municipal, en los terrenos de la ex hacienda del mismo nombre. El poblado lo cruza un camino que hacia el norte se dirige a la localidad de Adjuntas del Monte, y al sur llega a la carretera que comunica a las cabeceras municipales de Dolores Hidalgo y San Luis de la Paz.

Según el censo de 2010, Montelongo tenía una población de 1030 habitantes distribuidos en 204 familias y 43 viviendas solas (17.4%) [1]. El asentamiento cuenta con escuela primaria desde 1962, en ese entonces construyeron un salón de adobe y en 1980 hicieron una construcción con materiales de tabique; la telesecundaria fue instalada en el año 2000 y acuden los estudiantes de Refugio de Montelongo y El Tranqueño, y el kinder data del 2003. Tienen luz eléctrica desde 1980 y agua potable desde 1985, antes acarreaban el agua de los pozos para irrigación de las tierras del ejido y años más atrás, de una noria que dejó de funcionar hace 35 años. Para los servicios médicos acuden a la clínica de San Pedro que les queda a 5 km de distancia [2].

El ejido tuvo una resolución presidencial en 1936 que

otorgó 414.8 has (240 de temporal, 160 de agostadero y 14 de zona urbana) para el beneficio de 29 familias [3], que fue ejecutada en 1960. Más tarde, en 1970, el gobierno les autorizó la 1ª ampliación con 320 has (178 de temporal y 142 de agostadero) para 28 peticionarios [4]; por lo que tendrían un total de 734 has y 57 ejidatarios, con parcelas promedio de 6 has. Según el Procede (1999) el plano del ejido mide 726.9 has de las cuales 677.5 están parceladas; 46.5 corresponden al asentamiento y 3 se señalan como de uso común. En total registró la existencia de 54 ejidatarios, un posesionario y 134 avecindados [5]. Pero de aquel entonces a la fecha (2014), prácticamente la mitad de las tierras parceladas se han vendido.

En nuestros días (2014) se observa que en Montelongo hay muy poca actividad agrícola: sólo 12 ejidatarios cultivan la tierra de uno de los pozos de irrigación (45 has con cultivos de fresa, pepinos, calabaza, tomate, frijol, avena), y otros 10 trabajan la superficie de temporal (con maíz y frijol). Tienen un tractor (de cuatro que compraron con apoyos del gobierno) que alguna vez fue para uso colectivo, y algo de ganado lanar.

PV-PRO. COMPLEX PROBLEMS OF A MODERN POLICY

La limitada actividad agrícola y la escasa población de ejidatarios jóvenes involucrados en estos procesos, se refleja en los listados de Procampo que en el 2013 registró a 19 productores que cultivaron 75.6 has de riego o temporal; las parcelas van de 2 a 6 has y 11 de los 19 son adultos mayores [6], en donde parece no haber generación de reemplazo.

Algunos se emplean en los comercios existentes en el caserío, otros (50) en una alfarería instalada en lo que fue superficie ejidal, otros más (40) se integran al trabajo de jornaleros que demanda el vecindario, pero la mayoría (alrededor de 200) se emplean en los EUA. Se dice que 40 familias completas ya han emigrado al país vecino [7]. Los ejidatarios en cierta forma dependen de lo que les manden sus hijos que andan en el norte y de los apoyos de los programas del gobierno. En algunos casos esos programas les llegan "diezmados" por las "tajadas" que se llevan los funcionarios o representantes gestores.

El panorama que muestra el poblado es desalentador y no tanto si se compara con otros ejidos en el municipio en donde las opciones de trabajo en el vecindario son menores, al igual que el número de migrantes y sus

inversiones; es impactante en relación con lo que fue el ejido en los años sesenta y hasta 1983-1985 en que cayó bruscamente como unidad productiva por las crisis económicas, a las que le siguió la crisis de 1994-1995; el abandono del Estado en lo que se refiere a impulsar las actividades productivas de los sectores con escasos recursos, las largas temporadas de sequía y si no fuera suficiente, los conflictos al interior del grupo ejidal cuyo líder acabó con los recursos del colectivo. En los últimos años se observan algunos cambios por la apertura de fuentes de empleo en los alrededores, los cuales hacen contrapeso a la desarticulación imperante en el poblado, los bloqueos a la emigración, la pobreza y el desempleo.

En este trabajo trataré de hacer una reseña sobre las diferentes etapas de la historia del ejido, su organización y producción; y analizaré la quiebra del ejido en buena parte dirigida por los líderes locales que alguna vez impulsaron las reformas. Coloco como punto clave la dinámica interna y la corrupción que se agregó a los efectos desintegradores de las políticas gubernamentales, aunque hay que reconocer que hay otros ejidos las han podido sortear.

PV-PRO. COMPLEX PROBLEMS OF A MODERN POLICY

De la ejecución a los años ochenta

De los primeros 25 años de la vida del ejido Montelongo (1960-1985), considerados la "época de oro", podemos diferenciar dos etapas: 1) su ejecución (1960) acompañado de la instalación de la escuela (1962) y la continuidad del trabajo familiar en tierras de temporal con cultivos de subsistencia (maíz y frijol) complementado con la cría de ganado; y 2) los ensayos de colectivización que arrancaron en 1974 con fuertes inversiones gubernamentales en maquinaria y riego que cambiaron el potencial productivo y la organización del colectivo.

Ambas etapas representaron procesos de modernización y de intensificación de capital que tuvieron en común la exclusión de muchos campesinos de la localidad. En efecto, el ejido ganó frente a la finca tradicional que no tenía miras (o posibilidades) de modernizarse y dejó fuera a los considerados "apatronados" (trabajadores en defensa del patrón) que estuvieron en contra del agrarismo. Los nuevos ejidatarios (algunas familias originarias del lugar y otras foráneas) ganaron la tierra, se apropiaron del producto de

su trabajo –y del de su familia–, tuvieron acceso a la alfabetización y a algunos programas del gobierno a través de la relación con la CNC y con las instancias gubernamentales. En tanto que la mayoría de los trabajadores del lugar, considerados "perdedores", tuvieron dos opciones: la subordinación real y formal al ejido y a sus autoridades, lo cual no fue fácil ya que el caserío quedó dentro del territorio ejidal, y la emigración en búsqueda de empleo.

En efecto, el que la tierra sea de quien la trabaja sin duda fue un buen principio revolucionario (zapatista) que retomó el Estado enmarcándolo en el movimiento agrarista, en buena parte dirigido desde sus instancias organizativas; y en el caso de Montelongo marcó una enorme brecha con la gente del lugar cuya mayoría no tuvo acceso a la tierra: primero por representar un movimiento distinto al agrarismo (apatronados de corte sinarquista) y luego, cuando se consiguió la ampliación (de hecho en 1966 tomaron posesión de las tierras) [8], por problemas de poder: los agraristas metieron a los suyos y marginaron a los locales a quienes después emplearían como trabajadores.

PV-PRO. COMPLEX PROBLEMS OF A MODERN POLICY

A pesar de las divisiones señaladas y de los abusos de poder de los ejidatarios con los residentes del poblado, en el ejido se daba cierta continuidad de los modelos productivos de antaño basados en la producción de maíz y frijol combinado con la cría de ganado para la subsistencia familiar, lo cual cambió en los años setenta.

En efecto, Montelongo fue uno de los ejidos con mayores inversiones gubernamentales en el municipio, en cierta forma representó un modelo de la organización colectiva de aquellos años, y también una versión extrema de su fracaso.

Para 1970, el ejido tenía un total de 734 has (418 de temporal, 302 de agostadero y 14 de zona urbana) y 63 ejidatarios que trabajaban un promedio de 6.5 has. Pero de 1973 a 1982 con las inversiones del gobierno se amplió la superficie de cultivo, se perforaron y equiparon 5 pozos de 6 y 8 pulgadas, se dieron créditos para 4 tractores, se otorgaron créditos de avío, y se construyó una bodega rural.

Al principio sólo 45 ejidatarios se involucraron en las inversiones, los otros 18 decidieron seguir trabajando por su cuenta, pero esta opción no fue respetada “pues todo el ejido se

organizó en colectivo y finalmente 12 se integraron y 6 perdieron las tierras” [9]. Las inversiones implicaban una nueva organización tanto para el ejido como para la producción y el trabajo.

La máxima autoridad en “teoría” siguió siendo la asamblea general de ejidatarios, también continuó el Comisariado Ejidal (CE) y el Consejo de vigilancia (CV) (presidente, secretario y tesorero ó vocal) con sus respectivos titulares y suplentes; pero se formó un equipo intermedio compuesto por los encargados de las inversiones: de cada uno de los pozos y de cada uno de los tractores. En las asambleas de Balance y Programación se trataban los planes productivos con la asistencia de algún funcionario del Banco y de la Delegación Agraria y, a veces, alguno de los representantes de otras instancias de gobierno si es que lo ameritaban las inversiones.

En este esquema organizativo tendrían un nombramiento y una responsabilidad alrededor de 30 ejidatarios, es decir, más de la mitad de los 57 involucrados en el proyecto, con lo cual se trataba de hacer una organización incluyente de la mayoría. Pero no fue así. Se dio la

PV-PRO. COMPLEX PROBLEMS OF A MODERN POLICY

concentración de funciones en individuos o en grupos familiares. En efecto, las inversiones eran para el ejido y necesariamente tenían que ser autorizadas por el presidente del CE, quien a su vez era el responsable del trabajo en colectivo y estaba a cargo por lo menos de uno de los pozos, con lo cual este personaje obtuvo mucho poder. El Secretario del CE podía ser a la vez encargado de otro de los pozos y uno de los tractores y así sucesivamente.

El trabajo en la superficie de riego (alrededor de 300 has) y de temporal (alrededor de 200 has) que estaba apoyada por el Banco fue en colectivo, se compactaron las parcelas para hacer redituables las inversiones. Se producía alfalfa, chile, tomate, uva y frijol en las superficies de riego, y maíz y frijol en las tierras de temporal. Del producto obtenido, una parte (alrededor de 120 has de alfalfa, que correspondía a la superficie de riego de 2 pozos) el PCE la vendía para pagar las deudas al Banco y la otra (el producto de los otros 3 pozos) se repartía: una parte también era para pagarle al Banco y otra se distribuía entre los ejidatarios.

Pero había muchos abusos, por lo que los ejidatarios comunes recibían muy poco por su trabajo. Supuestamente

había un listado en el que se registraban las jornadas realizadas por cada uno de los participantes y, según los días de trabajo, recibían un salario al venderse las cosechas; pero en términos reales se quedaban con muy poco. Quizá el beneficio era mayor en las tierras de temporal (sembradas con maíz y frijol): si se declaraba "en siniestro por mal temporal", cosa que frecuentemente sucedía, la Aseguradora Agrícola pagaba la inversión y ésta iba directamente a cubrir los créditos de avío y al de los tractores, y la poca producción que se obtenía y los esquilmos se quedaban para el ganado de los ejidatarios.

Este tipo de organización rompía con las prácticas tradicionales basadas en el trabajo familiar realizado con la ayuda de la yunta, la siembra de maíz y frijol para la subsistencia y la cría de un poco de ganado, y donde el productor en cierta forma tenía el control de su trabajo y del proceso productivo. En el trabajo colectivo los ejidatarios perdieron la noción de "su parcela", el trabajo familiar no era tan necesario, el empleo era para un individuo en el tractor o controlando el riego y en las cosechas se contrataba

PV-PRO. COMPLEX PROBLEMS OF A MODERN POLICY

mano de obra; y aunque el tractor ahorra tiempo y esfuerzo, y el riego asegura las cosechas, el trabajador no siempre veía el producto de su esfuerzo. Si este esquema de intensificación de la agricultura representaba un negocio para algunos, para otros significó pasar a ser un asalariado sin condiciones claras en la percepción de un sueldo, y contrario a lo esperado, por lo menos en este caso, se favoreció la concentración de recursos en perjuicio de la mayoría.

En Montelongo los ejidatarios que integraban el ejido trabajaron en este esquema alrededor de 6 años (inició en 1974). En 1980 se dividieron los pozos y en cada uno se formó un grupo de 8 ejidatarios que trabajaron con una opción más libre, aunque luego (a partir de 1985) se enfrentaron a las bajas crediticias, a la alza de los costos productivos sobre todo en lo que se refiere a la electricidad del equipo de bombeo, y a los bajos precios de los productos agrícolas. Igual que en muchos ejidos del país, en esa época se vivió una quiebra económica y se intensificaron las olas migratorias a los EUA en búsqueda de empleo.

De los años noventa a nuestros días

En la historia de Monte-

longo, la máxima autoridad no fue la asamblea general, sino los fundadores del ejido (familias Grimaldo, Granados, Villegas...) y Eusebio Medellín, quien en poco tiempo rebasó a los líderes locales, a partir de su participación en las inversiones productivas que realizó el gobierno. Este personaje en el transcurso de los años noventa traicionó la confianza del colectivo y prácticamente acabó con el ejido.

Eusebio Medellín (1945-2002) era originario de Montelongo y aunque había estado fuera del lugar por muchos años, volvió y se casó con una lugareña. Era el único que tenía una camioneta en aquellos años (1970), sabía leer y escribir, y se manejaba bien con la gente de la CNC y de las instancias de gobierno. Se hizo ejidatario en una de las depuraciones censales (1970) y luego (1972) incorporó a su cuñado y a dos de sus hijos como una forma de hacerse de "gente de confianza" y de mayores recursos. Fue presidente del CE en 1976-1977 y más tarde, 1986-1988, representante del Comité Municipal Campesino (CMC-CNC) y persistió como autoridad en el ejido y en el CMC hasta su muerte. De hecho quienes le continuaron en ambos puestos de representación y que estuvieron a sus órdenes,

PV-PRO. COMPLEX PROBLEMS OF A MODERN POLICY

dicen que "era como Plutarco Elías Calles, ya que tenía el poder atrás del trono" [10].

El líder aspiró a la presidencia municipal de Dolores Hidalgo, pero no lo logró: su candidatura se vio truncada en buena parte porque los ejidatarios de Montelongo denunciaron sus actos delictivos en las oficinas del PRI de Guanajuato, y finalmente murió de un coma diabético en el 2002. Los ejidatarios hasta hoy en día, guardan un mal recuerdo de sus acciones y lo piensan responsable de la quiebra del ejido, no así una fracción de representantes del CMC que fueron parte de su equipo y aunque no niegan las acusaciones, persisten fieles al líder quien les apoyó en sus carreras políticas como representantes del CMC y los integró a un grupo de poder "distinto" al que había dominado en el municipio [10].

Pero volvamos a los sucesos en Montelongo. Como hemos señalado, en 1980 terminó la experiencia del trabajo en colectivo, pero la presión de pagarle al Banco duró "siempre": en los años 90 hubo que terminar de pagar los adeudos y, con ese pretexto, también se terminó con el ejido. Eusebio Medellín fue quien se hizo cargo de pagarle al Banco, controló a los ejidatarios y los despojó:

por lo menos a 12 ejidatarios les quitó sus parcelas en superficie de riego con engaños dándoles a firmar papeles aprovechándose de su analfabetismo o dándoles por muertos en el padrón ejidal; vendió superficie ejidal a Fertimex (4 has); vendió 2 de los 4 tractores que se habían adquirido con créditos; dio en renta (por 6 años) dos de los pozos (el 1 y el 4) y la superficie irrigable que tenía sembrados de alfalfa; y la producción del pozo 2 también estuvo encaminada al pago de la deuda. Además, vendió el equipo de otro de los pozos y luego lo declaró como robado.... [10].

Ante el enlistado anterior de abusos de poder y de actitudes delictivas, el líder no encontró una asamblea general que lo frenara. Sus colaboradores en el ejido o en el CMC trataron de controlarlo, pero no los escuchó, y las autoridades jurídicas y del gobierno simplemente no intervinieron y con una actitud de "liberastas" dejaron que el líder se moviera en esos niveles de ilegalidad. Medellín presumía de tener importantes apoyos a nivel municipal y estatal, y eso era lo que le hacía fuerte para manejarse en esos niveles de corrupción, burlarse de la normatividad y apropiarse del patrimonio de

PV-PRO. COMPLEX PROBLEMS OF A MODERN POLICY

los otros.

El Procede entró a Montelongo en 1999 y no registró las irregularidades que ya se vivían en el ejido, posiblemente fue cuando los pozos y la superficie de riego estaban alquilados y no se evidenciaba el fraude que se planeaba con el pacto cenecista: "quienes paguen la deuda se quedan con los recursos". Y Medellín "la pagó", quizá con una parte de la venta de los tractores, del equipo del pozo, con el dinero de la venta de la superficie ejidal y, con el producto de la superficie de riego que estaba rentada; y cuando terminó el alquiler, se quedó con las tierras y despojó a los otros de esos recursos. Aunque no sabemos exactamente cómo maniobró, lo que es un hecho es que dispuso de los recursos del ejido como si fueran suyos y utilizó el pretexto de "pagarle al Banco" para realizar una serie de arbitrariedades con las que perjudicó a los otros.

El caso es que Procede realizó las mediciones sobre las ruinas de lo que fue el proyecto de colectivización y un poco después de las exigencias bancarias, y "legalizó" muchas irregularidades. En términos formales registró 726.88 has como plano interno, de las

cuales 677.5 están parceladas; 46.5 corresponden al asentamiento y 3 son de uso común; y apuntó la existencia de 54 ejidatarios, un poseionario y 134 avecindados [11]. Pero, según los ejidatarios, la superficie del ejido no está completa: les faltan 100 has que se vendieron antes de que entrara el Procede [12], y fue una de tantas irregularidades que evadió ese programa, por lo que afirman que "hubo mano negra en las mediciones".

Para el 2014 la mitad de los ejidatarios ya habían vendido sus tierras sin tener dominio pleno. Sólo funciona un pozo de riego, los otros los clausuró Conagua en el 2012: el pozo 1 robaron el equipo en 1997 (según dicen es el que vendió Medellín y luego lo declaró robado); los pozos 2, 4 y 5 dejaron de trabajarse entre el 2003 y el 2005, y luego robaron los equipos [13].

Por estos saqueos, Montelongo aparece como un ejido desolado, con mínimo trabajo agrícola y poco ganado lanar. Después de la muerte de Medellín (2002) continuó la venta de parcelas y el acaparamiento de recursos por algunos de los ejidatarios que alguna vez formaron parte del grupo de poder: ellos eran los únicos que tenían tiendas de

PV-PRO. COMPLEX PROBLEMS OF A MODERN POLICY

abarrotes en el poblado y en esos lugares, los ejidatarios empezaron a endeudarse y se veían obligados a vender parte de sus tierras [14]. También hubo gente de afuera que empezó a comprar tierras, llama la atención el representante de la Unión de Campesinos Democráticos quien adquirió 40 has y que hasta ahora (2014) nunca las ha trabajado [12].

Y así, poco a poco se principiaron a borrar las diferencias entre los hijos de los despojados cuando se formó el ejido, los hijos de los ejidatarios que no le entraron al proyecto colectivo y que perdieron las tierras, los hijos de los despojados por el líder cenecista so pretexto del pago de las deudas, y los que se quedaron sin recursos por la compra de parcelas "en pequeño", por endeudamiento. La opción había sido la emigración, Texas fue el destino principal, pero también Virginia y Chicago. Pero esta alternativa cada vez es más riesgosa por lo que recurren a atender diversos "changarros" que se han colocado con el dinero producto de la migración; al empleo en la cerámica que se instaló en el ejido y en el jornalero del vecindario.

Consideraciones

El ejido Montelongo ilustra el tránsito entre dos modelos de políticas gubernamentales: 1) las que se plantearon el bienestar social mediante la distribución de la riqueza dándole la tierra a quienes directamente la trabajaban y, a partir de las inversiones del Estado impulsar la producción colectiva (reforma agraria de 1960-1980); y 2) aquellas que negaron este proyecto, posibilitaron la privatización de la tierra pretendiendo impulsar pequeñas empresas agrícolas (políticas neoliberales de 1992-2014). Sin embargo, en ninguno de los dos modelos (que expresan dos maneras distintas de intensificación del capital) Montelongo resultó exitoso. Ambos fueron modelos acompañados del despojo y marginación de sectores importantes de esa población: tanto durante el reparto agrario, como con los proyectos de colectivización y los pagos de las deudas bancarias en los años noventa. Sin embargo, el segundo modelo, que posibilitó la mercantilización de los recursos colectivos, desató el abuso, la corrupción y la quiebra de este ejido: la creación de la pequeña empresa agrícola quedó anulada con la retirada de las inversiones del gobierno y por

PV-PRO. COMPLEX PROBLEMS OF A MODERN POLICY

la corrupción, y lo que se generó fue la violencia expresada en el despojo de los recursos, lo cual trajo como consecuencia la emigración y mayor pobreza.

En Montelongo se muestra cómo los líderes locales de corte agraristas desplazaron a los verdaderos trabajadores agrícolas de la finca acusados de ser "apatronados" y cómo "cobraban su representación" apropiándose de mayores y mejores recursos productivos, aunque "dejaron vivir" a los subordinados; y a su vez, cómo durante el neoliberalismo fueron desplazados por otro líder que si bien participó en la construcción de la ficción del ejido colectivo, los defraudó al despojarlos de buena parte de sus recursos y destruir el ejido. Este comportamiento de daba en el marco de una intensa crisis agrícola en la que no llegaban apoyos para la producción, los precios de los cultivos eran muy bajos y los jóvenes optaban por la búsqueda de empleo en los EUA; y Medellín tomó la opción del arrebato de recursos. Según dicen, el líder tenía el propósito de acumular dinero, aprovechar sus relaciones con la gente de la CNC y ascender en la escala política (pretendía ser candidato del PRI a la presidencia municipal) pues

los puestos de representación, frecuentemente, representan un negocio que duplica o triplica cualquier inversión.

Llama la atención la evasión a la normatividad realizada por los líderes locales (y nacionales) y la ausencia de instancias de control. ¿Cómo podemos pensar que nos movemos en un Estado de derecho? Por otra parte, la corrupción no es un problema que solo se dio en Montelongo, también se da en muchos pueblos y círculos sociales, en cierta forma es algo a lo que nos enfrentamos todos los mexicanos. Es la expresión de la pobredumbre social que estamos viviendo y que no hemos sido capaces de ponerle un alto.

Nos preguntamos ¿para dónde va esa corrupción que se manifiesta en una acumulación de dinero desenfrenada? En el caso de Medellín se trató de un liderazgo destructivo que acabó con el ejido y luego con su vida (murió de un coma diabético) y aunque representa una experiencia radical, no es la única en su género. Felizmente no todos los ejidos dolorense son como Montelongo, existen otros en que las autoridades ejidales han tomado mayor control de los recursos del colectivo, pero dejan vivir a sus

PV-PRO. COMPLEX PROBLEMS OF A MODERN POLICY

subordinados... si se acaban los segundos, no tiene razón de existir el primero. En fin, la corrupción además de representar un tema de

análisis y de denuncia, debería de incorporarse a una militancia con valores y proyectos sociales más allá del dinero.

Bibliographie:

1. INEGI, *Censo de Población y Vivienda 2010: Guanajuato*. Según los informantes locales hay 1870 habitantes y 265 jefes de hogar. Pero estas cifras no coinciden con nuestras apreciaciones en el lugar ni con los datos del Procede que en 1999 registró un total de 189 familias.
2. Refugio Rojas Guerrero (N. 1943), ex PCE, 2006 y Luz Rojas Barrientos (N. 1934), ejidataria, 2012.
3. DOF, 23/10/1936, Ejido Montelongo.
4. DOF, 20/06/1970, 1º ampliación del ejido de Montelongo.
5. Registro Agrario Nacional, México[en línea]. *Padrón e Historial de Núcleos Agrarios, Guanajuato: Dolores Hidalgo CIN* [fecha de consulta: 10 marzo 2014].
6. Programa de Apoyos Directos al Campo, México[en línea]. *Listado de Beneficiarios, Guanajuato, Ciclo Primavera-Verano 2013* (Actualizado al 07/01/2014).
7. Ramón Granados (N.1949), ex PCE, 2013.
8. En 1965 realizaron la solicitud de ampliación; en 1966 por un dictamen del gobernador del estado entraron en posesión de las tierras y, en 1970 se publicó la resolución presidencial con la cual les otorgaron 320 has (178 de temporal y 142 de agostadero) que también fueron tomadas de diferentes fracciones de la finca para 28 peticionarios.DOF 20/06/1970, 1º ampliación del ejido de Montelongo.
9. Ramón Granados (N 1949) ex PCE, 2014.
10. Reconstrucción con base en diferentes entrevistas realizadas en el 2003, 2012, 2013 y 2014. Se guarda la privacidad de los informantes.
11. RAN, *Padrón e Historial de Núcleos Agrarios: Dolores Hidalgo*.
12. Luz Rojas Barrientos (N. 1934), ejidataria, 2013; Refugio Rojas Guerrero(N. 1943),exPCE, 2013.
13. Ramón Granados (N.1949), ex PCE, 2003 y 2013; Luz Rojas Barrientos 2014.
14. Anónimo, Montelongo, 2013.

УДК 321.015 + 321.01

Эрминио Нуньес Вильявисенсио
Автономный университет штата Мехико

О понятиях «мягкой, жесткой и невидимой власти»

В этом тексте мы пытаемся разъяснить происхождение и границы возникших не столь давно выражений: «мягкая, жесткая и невидимая власть», полагая, что человеческая деятельность, во всей ее разнообразии и новизне, иногда нуждается в концептуализации, хотя некоторые понятия, которые мы формируем, не всегда обладают ясностью, обоснованностью, на которые они претендуют; а другие понятия могут нам указывать на запреты, налагаемые практикой. Излагая словосочетания «мягкая власть», «жесткая власть» и «невидимая власть», мы исходим из того, что определение способа видения реальности и ее обоснованность не совпадают с другими способами ее осмысления. Понятие «невидимой власти» достаточно ясно и вполне приемлемо, оно указывает на широко распространенную практику, которая, тем не менее, не должна фигурировать в демократическом государстве.

Ключевые слова: мягкая власть, жесткая власть, невидимая власть, значение

UDC 321.015 + 321.01

Herminio Nunez Villavicencio
Autonomous University of the Mexico State, Mexico

**About the concept
of «soft, hard and invisible power»**

In these lines we propose to mention the origins and scope of the recent expressions «soft power», «hard power» and «invisible power». The development of our activities sometimes makes us see that their variety and novelty sometimes needs to be conceptualized, and that concepts we make out of this phrases do not always have the clarity and validity or purported acceptance; some other times, they serve to point out not accepted practices. We show that dictions «soft power» and «hard power» emerged in a certain way of seeing reality and their validity changes in others. The concept of «invisible power» on the other hand, is accepted by its clarity and indicates a widespread practice, in a democratic State should not take place.

Keywords: soft power, hard power, invisible power, significance

CDU 321.015 + 321.01

Herminio Nuñez Villavicencio
Universidad Autónoma del Estado de México

Sobre el concepto «poder blando, duro e invisible»

En estas líneas nos proponemos mencionar los orígenes y alcance de las recientes expresiones: «poder blando», «poder duro» y «poder invisible». Podemos ver que la actividad humana, en su variedad y novedad a veces necesita ser conceptuada, pero algunos conceptos que de ella formamos no siempre tienen la claridad y validez o aceptación pretendidas; otros nos pueden indicar una práctica proscrita. Exponemos que las dicciones «poder blando» y «poder duro» surgen en determinada manera de ver la realidad y su validez no es la misma en otras visiones. El concepto de «poder invisible», por otra parte, es claro y aceptado, indica una práctica generalizada, pero que en un estado democrático debería ser suprimida.

Palabras-clave: poder blanda, poder dura, poder invisible,

PV-PRO. COMPLEX PROBLEMS OF A MODERN POLICY

En un atardecer de persistente llovizna, de viaje por los parajes de Robin Hood y en charla con un ingeniero del aero-espacio, le pregunté si él también consideraba que gran parte de los adelantos de la técnica y de la ciencia tienen origen en el ámbito de la defensa y/o agresión entre los humanos y sus naciones. La respuesta fue positiva, sus explicaciones me recordaron el comentario que escuché a un colega de conocida experiencia cuando yo apenas iniciaba la etapa dedicada a la docencia. Este compañero decía que en la vida el setenta por ciento de ella la dedicamos a defendernos. Durante varias décadas y de vez en cuando he reconsiderado su opinión que ha motivado hallazgos y nuevas preguntas no siempre circunscritas a la necesidad de defenderse o a la audaz elección de medios para una eficaz agresión, porque esas tendencias de emancipación o de dominio originan también desarrollos como los del lenguaje y otros. Hoy escuchamos nuevas expresiones originadas en los ámbitos de defensa o de sometimiento que tratan de expresar nuevas modalidades de evitar o de alcanzar el dominio de unos sobre otros. Las expresiones de «soft

power» (poder blando), «hard power» (poder duro o rudo) o «poder invisible» son dicciones recientes que ponen de relieve varias cosas, entre ellas que la praxis busca su expresión adecuada, pero principalmente indica una característica de nuestro tiempo: la competitividad y el individualismo exacerbado.

Cuando era candidato a la presidencia de los Estados Unidos de Norteamérica, queriendo enfatizar su propuesta como alternativa, Barak Obama decía a sus colaboradores en campaña que si (él) era el nuevo rostro de la política exterior y del poderío americano en tanto que tomaba prudentes y estratégicas decisiones, manejaba emergencias, crisis y oportunidades en el mundo de una manera inteligente y serena, entonces, (sus colaboradores) podían decir a la gente: tendremos un presidente en la casa blanca que todavía tiene una abuela viviendo en una cabaña a orillas del Lago Victoria, y también tiene una hermana con doble nacionalidad y está casada con un chino-canadiense, porque –decía– así la gente puede pensar que se trata de un candidato con mayor visión de lo que está pasando en nuestras vidas y en nuestro país. Y tendrán razón. Estas palabras

PV-PRO. COMPLEX PROBLEMS OF A MODERN POLICY

de Obama pueden tomarse como un ejemplo de soft power y probablemente sus partidarios creyeron que la trayectoria y el ángulo de visión de su candidato le permitía la posibilidad de aliviar el daño que, se decía, los americanos se habían hecho a sí mismos siendo indiferentes a la visión de otros en sus relaciones y con el aislamiento de su presidente en turno, prepotente, poco ocuyente y narcisista. Obama proyectaba una política exterior menos arrogante y solitaria y, por el contrario, abierta a lo que sucede en la complejidad del mundo, la deseaba como instrumento de amplias posibilidades que, a semejanza de una navaja de la armada suiza, ofreciera diferentes instrumentos para diferentes situaciones y no solamente una afilada cuchilla. Una estrategia de estas características naturalmente hace pensar que es necesario poner aguda atención en cómo nos perciben quienes se relacionan con nosotros, nos obliga a reconocer que otras naciones y culturas legítima-mente piden participar en decisiones comunes y con más razón si se trata de algo que tiene que ver con su soberanía. Pero esta era la visión de un candidato que todavía no vivía las presiones y condicio-

namientos que tiene quien llega a vivir por un tiempo en la casa blanca. De cualquier manera, para el observador común y sin duda más para el externo, el proceder de Obama es visto como una práctica de soft power y como alternativa a la criticada experiencia de romo ejercicio del poder de George Bush.

Poder blando y poder duro

Esta primera modalidad de ejercer el poder es explicada en Wikipedia [8] como un término usado en relaciones internacionales para describir la capacidad de un actor político, por ejemplo, la aptitud de un Estado para incidir en las acciones e intereses de otros actores valiéndose de medios culturales e ideológicos, con el complemento de medios diplomáticos.

El término fue acuñado por el hasta hace poco decano de la Universidad de Harvard Joseph Nye Jr. en su libro *Bound to lead: The changing Nature of American Power* (1990), expresión a la que daría mayor desarrollo en *Soft power: The Means to Success in World Politics* (2004). El profesor Nye maneja el término para explicar lo que observa en la política exterior norteamericana de esos años, en la que nota una paradoja central en la manera de

PV-PRO. COMPLEX PROBLEMS OF A MODERN POLICY

ejercer el poder, principalmente en las últimas décadas, señala que, por una parte, la fuerza militar de los Estados Unidos no es cuestionada y tiene la ventaja de que sus tropas están estacionadas en 130 países dispersos en todo el orbe, de modo que ninguna armada enemiga osaría retarla –dice- en campo de batalla; pero por otra parte y en la medida que su superioridad se ha incrementado, su habilidad de persuadir está en reflujo en muchas partes del mundo, aun entre sus viejos aliados [1].

El valor del término –se lee en Wikipedia- en cuanto concepto o técnica política ha sido bastante discutido, a pesar de haber sido ampliamente utilizado como forma de diferenciar el poder sutil de la cultura y de las ideas, frente a formas más coercitivas de ejercer presión o ante modos llamados de poder duro, como sucede en la acción militar o en las presiones y condicionamientos de tipo económico.

En el diccionario leemos que liderazgo significa ir adelante o enseñar el camino. En su explicación del concepto Nye sostiene que los líderes están obligados a tomar decisiones cruciales sobre los tipos de poder que ponen en práctica, porque

guiar consiste en ayudar a un grupo en la definición y obtención de un propósito común. Distingue varios tipos y niveles de liderazgo y señala que todos tienen algo en común que es la relación de líderes con sus seguidores, señala que liderazgo y poder están inextricablemente entrelazados, se trata de una cuestión de poder. Teniendo en cuenta el papel que tienen los Estados Unidos en la actualidad, este autor señala que muchas habilidades, tales como la de crear una visión, la de comunicarla, la de atraer y escoger gente capaz, la de delegar y formar coaliciones de naciones en torno a un objetivo, dependen de lo que él llama el soft power.

A nivel general, para Nye el poder es la habilidad en influenciar los comportamientos de otros con miras a obtener los resultados que se desean. En este propósito –dice- hay varias formas de lograrlo, porque se les puede coaccionar con tratados, también se les puede inducir con retribuciones o se les puede granjear y cooptar para que quieran lo que tú quieres. A veces –dice Nye- puedo influir en tu conducta sin decírtelo explícitamente. Si crees que mis objetivos son legítimos seré capaz de persuadirte sin usar amenazas

PV-PRO. COMPLEX PROBLEMS OF A MODERN POLICY

o incentivo alguno. Como prueba de esta forma de convencer aduce los casos en que algunos musulmanes pueden ser atraídos a apoyar acciones violentas no tanto porque sean pagados o amenazados, sino porque creen que los objetivos propuestos son legítimos.

Se puede decir que la gente ordinaria y principalmente los políticos definen con frecuencia y de manera simplista el poder como la posesión de capacidades o recursos que pueden influir en la obtención de un objetivo, de modo que si alguien tiene autoridad, riqueza o una personalidad atractiva, este alguien es considerado poderoso. En política internacional se considera que un país es poderoso si tiene relativamente numerosa población, territorio, recursos naturales, fuerza económica y militar con estabilidad social.

En pocas palabras, en la visión común tener poder viene siendo algo así como contar con las cartas decisivas en un juego. Pero cuando se define poder como sinónimo de recursos que lo producen –dice Nye–, suele darse la paradoja de que los que más tienen poder no siempre logran los beneficios que quieren, como en el caso de los Estados Unidos que, en términos de recursos, fueron el

único super-poder en el mundo, pero falló en prevenir lo ocurrido el once de septiembre. Convertir los recursos en poder realizado en el sentido de obtener los beneficios deseados requiere de estrategias bien diseñadas y de un liderazgo habilidoso. Pero sucede –dice Nye– que las estrategias con frecuencia son inadecuadas y los líderes juzgan mal la situación, como sucedió con Hitler en 1941 y con Saddam Hussein en 1990.

Nye considera que medir el poder en términos de recursos es una forma que resulta fácil y útil, pero igualmente importante es entender qué recursos ofrecen la mejor base para actuar con poder en determinado contexto. El recurso nunca es poder por sí solo. El petróleo, por ejemplo, no fue un recurso que impresionara antes de la era industrial, como tampoco lo fue el uranio antes de la era nuclear. Es claro entonces que los recursos del poder no pueden ser juzgados sin conocer el contexto de su uso. Suelen darse situaciones en las que quienes tienen altos mandos o poseen riqueza no son los más poderosos y en esas condiciones se dan las revoluciones que los rebasan y dan otro ordenamiento a las cosas y a la sociedad. Hay una forma de poder –dice Nye– en la que un país puede

PV-PRO. COMPLEX PROBLEMS OF A MODERN POLICY

obtener los beneficios que quiere en el mundo de la política, es la forma facilitada porque otros países admiran sus valores, emulan su ejemplo, aspiran a tener su nivel de prosperidad y franqueza. Es el soft power el medio que logra que otros quieran los beneficios que tú quieres, es algo que coopta a la gente, no ejerce coerción.

En este sentido, los líderes políticos han entendido ampliamente que en parte el poder viene de la atracción y que el poder blando es materia prima en la política de cada día. La habilidad de establecer preferencias tiende a ser asociada por cierto a virtudes y características como las de una atractiva personalidad, de cultura y de apego a valores e instituciones consideradas como legitimadas y de autoridad moral. Si un líder representa valores que otros quieren seguir, le costará menos coronar su trabajo.

Esta forma de poder sin coerción ciertamente no deja de atraer por su peculiaridad, pero no por ello deja de ser un poder que nos plantea interrogantes como la de si es prescindible o no y hasta qué punto; por otra parte, su incentivación nos permite entender prácticas que no quedan fuera del propósito de lograr que otros deseen y

hagan lo que yo quiero, acciones tan cotidianas y comunes como la propaganda y difusión de imágenes modelo. El poder blando que Nye propone se basa claramente en la habilidad de dar forma a las preferencias de otros. Siguiendo este propósito, en el mundo de los negocios, los ejecutivos saben muy bien que el liderazgo no consiste sólo en dar órdenes, sino que también implica guiar con el ejemplo y atraer a los otros para hacer lo que la empresa quiere. De manera similar, en algunos países las prácticas contemporáneas de mantenimiento del orden basado en la comunidad, tienden a hacer de la policía una imagen suficientemente amigable y atractiva como para que la comunidad tienda a apoyarlos en conseguir los objetivos queridos por la misma comunidad.

Sin embargo, insistimos, cabe preguntarse si el poder blando equivale a algún tipo de influencia que no dista de apoyarse en el hard power de amenazas y sobornos, parece ser algo más que simple persuasión o habilidad de mover gente argumentando valores compartidos, una causa justificada o la reivindicación de contribuir en la consecución de valores. Por otra parte, la atracción con frecuencia conduce a la

PV-PRO. COMPLEX PROBLEMS OF A MODERN POLICY

aquiescencia o simple consentimiento. Al parecer, en la práctica, hard y soft power no dejan de estar relacionados, ambos son aspectos de la habilidad en conseguir los propios propósitos afectando el comportamiento y vida de los otros. La distinción entre ellos es entonces de grado, tanto en la naturaleza del comportamiento como en la tangibilidad de recursos. La habilidad de conformar lo que otros hacen puede descansar en la sutil inducción o en la coerción. Hard y soft power a veces se refuerzan el uno al otro, otras veces interfieren entre sí y en esta mezcla lo que mantienen es la finalidad común de control.

Ahora bien, las condiciones de proyectar soft power han cambiado dramáticamente en años recientes. La revolución de la información y la globalización están transformando y haciendo pequeño el mundo. Al inicio del siglo XXI esos dos fenómenos han incrementado el poder americano, pero con el tiempo la tecnología se expandirá a otros países y gentes y la relativa preeminencia de los Estados Unidos probablemente disminuirá. La era de la información tendrá multiplicidad de canales que empiezan ya a mostrar sus efectos y que facilitarán

formular cuestiones que desplacen la fácil aquiescencia. La información es poder y la mayor parte de la población del mundo tiene cada vez más acceso a este poder. La tecnología ha conducido a una dramática reducción el costo de procesar y transmitir información, de manera que el resultado viene siendo una explosión de información que nos ha llevado a la "paradoja de la abundancia" y sus secuelas: cuando la gente se encuentra abrumada por la gran cantidad de información, le es difícil distinguir en qué le conviene centrar su atención. En esas circunstancias el problema es otro: entonces, en el mar de información la atención se convierte en escaso recurso, y los que pueden distinguir la información de valor del cúmulo que no lo tiene, sólo estos podrán obtener poder y decidir.

Pero hay algo más, la reputación siempre ha importado en el liderazgo político. Sin embargo, la credibilidad ha sido mucho más importante fuente de poder por la paradoja de la abundancia. Entonces, la información que aparece como propaganda puede no sólo ser despreciada, sino que puede hasta volverse contraproduktiva si mina una reputación por credibilidad.

PV-PRO. COMPLEX PROBLEMS OF A MODERN POLICY

En la era de la información el poder proviene no del hard power, sino de una elección fuerte. Esa elección permite la libre y enriquecedora colaboración de otros, cooperación que se ve diluida por la influencia y el propósito de lograr que los otros hagan propio el pre-establecido objetivo del líder. En este modo de entender la colaboración hay varias ventajas, como la de hacer posible la equilibrada relación líder-seguidores en su aspecto tanto vertical como horizontal. De este modo se evita tanto el endiosamiento y excesos del líder, como lo que es más importante y no siempre requiere de la influencia y de la atracción, que es la constructiva cooperación de los otros. Fundamentalmente, el líder no deja de ser como los otros y con frecuencia sus iniciativas no le son propias sino sugeridas por sus consejeros. Evidentemente que esta cuestión es mucho más compleja, con esta visión simple queremos decir que el modo de entender los conceptos soft y hard power se inscriben y son aceptables sólo en una manera de ver la realidad en la que, como signo de los tiempos que corren, en el juego político el poder blando se desliza lenta pero efectivamente hacia el hard power, hacia la

acentuación de la voluntad del líder y no hacia la ventura sino la desconfianza y miedo de sus seguidores. En la suposición de poseer los valores universales se conjetura también que con ello quedan legitimados los propios propósitos, pero en esta presunción se menosprecia cualquier otra visión o cultura y entonces el diálogo enriquecedor queda anulado en la imposición de una visión única.

En el intento de lograr los propios propósitos hay otra modalidad a la que a veces se recurre, es la violenta y fuera de la ley. "Poder invisible" es otro concepto de formulación nueva, pero que corresponde a prácticas antiguas.

Poder invisible

Norberto Bobbio comenzó su reflexión sobre el tema del poder invisible hacia enero de 1970 [2, p. 7] con su artículo "La violenza di Stato" [3, p.3] donde comenta:

"Hay hechos inquietantes que nos impiden reposar con tranquila certeza de que la violencia sólo existe en el otro lado (del lado de la protesta, de las marchas y de la agitación estudiantil. La única manera de vencer a la violencia es reconociéndola, aun cuando ésta no invada las calles gritando, sino que se esconda tras la decorosa fachada de las instituciones

PV-PRO. COMPLEX PROBLEMS OF A MODERN POLICY

que defendemos”.

Las palabras de Bobbio son aplicables a la situación actual de nuestro país. Con esto no queremos decir que carecemos de ciudadanos que denuncian nuestros males casi con la misma perspicacia de Bobbio, queremos señalar que, como en su caso, pronunciarse sirve de algo, aunque la maquinaria que han puesto en movimiento poderosos intereses no se pueda detener de inmediato debido a unas denuncias, por importantes y clarividentes que sean.

Para denunciar hay que observar y distinguir. Entre el humo espeso de la manipulación mediática y de la operación de desorientación de los años setenta –nos dice Revelli-, intento posteriormente documentado con amplitud, se comenzaba a vislumbrar el animoso perfil, aún en gestación, de la que después sería llamada la “estrategia de tensión”, en cuyo interior se podía percibir la operación invisible de un trasfondo turbio que operaba en silencio. Este ambiente le sugirió al teórico Bobbio la idea de lo que algunos años más tarde, en un escrito mucho más docto (la introducción a la edición de Einaudi de la clásica obra de Ernst Fraenkel) definiría con la categoría de “doble Estado”

o “Estado dual”, esto es, en el que se daba la copresencia de un nivel de poder doble: por un lado, un “Estado normativo (el Estado de derecho, sometido al imperio de la ley), y por el otro, un “Estado discrecional, libre de actuar por fuera del principio de legalidad, “con base en un mero juicio de oportunidad”.

Para Bobbio, cualquier forma de estado, incluida la democrática, tiene rasgos de dualidad. En los Estados Unidos, como lo esboza Alan Wolfe en *The Limits of Legitimacy, Political Contradictions of Contemporary Capitalism*, podía identificarse una doble apariencia de gobierno: “democrático y constitucional en su interior, e imperialista hacia el exterior”. Bobbio extrae la expresión de “poder invisible” de *The Invisible Government* de David Wise y Thomas B. Ross, quienes –nos dice Marco Revelli- afirman que hoy en día en los Estados Unidos existen dos gobiernos: uno es visible y el otro invisible. El primero es el gobierno sobre cuya actuación los ciudadanos leen en el periódico y es el que los niños estudian en los libros de texto. El segundo es una maquinaria oculta y afinada que ha dirigido la política estadounidense durante la guerra fría [4, p. 10].

Una década después del

PV-PRO. COMPLEX PROBLEMS OF A MODERN POLICY

trabajo "La violenza di stato", al inicio de los años ochenta, Bobbio escribió el artículo "I poteri invisibili" (Los poderes invisibles), escrito para una revista, pero que fue anticipado, dada la precipitación de los hechos, por un periódico el 24 de enero de 1981 con el título: "Nel labirinto dell' anti-Stato" (En el laberinto del anti-Estado) en el que establece un nexo de continuidad con su intuición original y escribe: "...la atmósfera de nuestra vida pública ha sido intoxicada por las sospechas de connivencia entre el poder invisible del anti-Estado" y anticipa las líneas generales de su siguiente reflexión sobre el poder invisible y su conflicto intrínseco y ontológico con los fundamentos ideales de la democracia: "La opacidad del poder es la negación de la democracia". Cuestión que desarrollaría en *Il futuro della democrazia*, seguido de otros textos como "Segreto y misterio" (1990) y "Democracia y secreto" (1998). En *La democrazia y el poder invisible* formula la célebre definición de "gobierno democrático como gobierno del poder público ante el público". Afirma que es en la democracia y únicamente en ella, donde el poder y su titular están obligados a la transparencia de sus actos y,

a la vez, a aceptar que la eventual transgresión de dicha obligación se haga pública.

Sin embargo y como señala Revelli, Bobbio, como buen "realista" y sano "pesimista" conoce bien la distancia que ineluctablemente separa los "ideales de la materia burda", las ideas regulatorias y la práctica cotidiana, los valores que orientan a los grandes proyectos políticos y a las acciones humanas destinadas a traducirlos en realidades. Sabe que la transparencia absoluta no existe, que su aplicación integral resulta imposible de llevar a la práctica en cualquier democracia. Sabe que siempre permanece un margen de opacidad debido a la naturaleza misma del poder que abarca alguna relación con las "potencias del bajo mundo", identificadas también por Max Weber y que reivindican un lugar, sobre todo cuando se trata de política exterior. Aunque la publicidad del actuar político es una regla en la democracia, algún tipo de excepción a dicha regla existe en cualquier democracia.

A Bobbio, sin embargo, preocupaba todavía más otro tipo de poder en nuestros tiempos, poder que se ejercita en todas las democracias: la

PV-PRO. COMPLEX PROBLEMS OF A MODERN POLICY

prepotente y ominosa proliferación de instancias tecnocráticas, la multiplicación de ámbitos de la experiencia humana caracterizados por conocimientos técnicos de tal complejidad y "exclusividad" que crean por sí solos un diafragma entre el espacio de decisión y el público que es su destinatario y que debería ser su contralor. En estas circunstancias, dice Bobbio en "La democrazia e il potere invisibile", las prácticas relevantes para la vida pública se convierten en intrínsecamente misteriosas, aunque se trate de temas que no son objeto de una deliberada voluntad de secrecía, se convierten en arcanas simplemente por "la diferencia insalvable que separa al experto del ignorante, al competente del incompetente" [5]. Esto convierte al tecnócrata en depositario de "conocimientos a los que no tiene acceso la Masa".

La democracia, considerada al menos idealmente como la mejor forma de gobierno –dice Revelli en su prefacio citado- a menudo es acusada de no cumplir con sus promesas. El poder invisible se forma y organiza para obtener beneficios ilícitos y para recabar ventajas no consentidas por una acción a plena luz. Las asociaciones

secretas son un ejemplo. El servicio secreto con el que cuenta cada estado, se considera que es un mal necesario y nadie osa poner en tela de juicio la compatibilidad del Estado democrático con la utilización de servicios secretos. Sin embargo, estos son compatibles con la democracia con una sola condición: que se encuentren bajo el control del gobierno, del poder visible que es, a su vez, supervisado por los ciudadanos, de manera que su actuación se dirija en todo momento y únicamente a la defensa de la democracia. La democracia avanza y la autocracia retrocede conforme el poder es más visible y los secretos de estado, de ser una regla pasan a ser una excepción, y sólo en ámbitos bien restringidos y establecidos con suma precisión.

No hay democracia –dice Bobbio- sin opinión pública, sin formación de un público que reivindique el derecho a ser informado sobre las decisiones que se toman en favor del interés colectivo, de un público que sea capaz de expresar sobre ellas su libre crítica. Quien promueve formas ocultas de poder desea hurtar sus acciones al control democrático y busca evitar someterse a las limitaciones impuestas por

PV-PRO. COMPLEX PROBLEMS OF A MODERN POLICY

cualquier constitución democrática a las personas que detentan el poder de tomar decisiones vinculantes para toda la ciudadanía [6, p. 37].

En oposición a lo dicho por San Pablo en su vulgata: *Noli altum sapere, sed time*" (Rom. 11:20) y cuyos clásicos transgresores son Prometeo e Ícaro, el pensamiento ilustrado adoptó el dicho de Horacio: *"Sapere aude"* que aparece con frecuencia en el escrito de Kant sobre la Ilustración, en el que afirma que ésta consiste en la salida del hombre de la minoría de edad, y que en los cimientos de la Ilustración encontramos la más simple de todas las libertades, la de hacer uso público de la razón. Pero para ello es preciso que tengamos un conocimiento pleno de los asuntos de Estado, y con el fin de que esto suceda es necesario que el poder actúe públicamente.

Bobbio señala que Kant planteó en un apéndice a *La paz perpetua* el problema de la posible convergencia entre la política y la moral, sostiene que la única manera de garantizar que ello suceda es la condena del secreto de los actos de gobierno y la institucionalización de su publicidad, de modo que se torne imposible la práctica de los *arcana imperii* que caracteriza a los estados

despóticos [7, p. 53]. Richard Sennett en su libro sobre la autoridad (1980) afirma: "Todas las ideas de democracia que hemos heredado del siglo XVIII se basan en la noción de autoridad visible". Y para corroborar su afirmación cita el dicho de Jefferson: "El dirigente debe actuar con discreción, pero no se le debe permitir tener para sí sus intenciones" [7, p. 37].

Complementando la explicación del concepto "secreto oficial" Max Weber afirma que se trata de un descubrimiento específico del poder burocrático. Para aclarar su afirmación Weber hace la analogía entre el secreto oficial y el comercial: "Aquel es equiparable, en su relación con el saber especializado, con los secretos comerciales de la empresa en su relación con los secretos técnicos". En el saber técnico la razón del secreto radica no sólo en mantener la superioridad dada por un conocimiento específico que el competidor no tiene, sino también en la incapacidad del público de captar su naturaleza y alcances. El saber técnico, cada vez más especializado, se vuelve progresivamente un conocimiento de élite, es un conocimiento al que no tiene acceso la masa. También la tecnocracia tiene sus *arcana*, y para la masa es igualmente

PV-PRO. COMPLEX PROBLEMS OF A MODERN POLICY

un saber esotérico, que es incompatible con la soberanía popular por los mismos motivos por los que en un régimen autocrático se considera al vulgo incompetente e incapaz de entender los asuntos de Estado.

Como hemos mencionado, el estado doble aflora en las relaciones internacionales, en efecto, Kant desarrolló el tema a propósito del derecho internacional. Hasta ahora, las relaciones entre Estados conforman un sistema tendencialmente anárquico –dice Bobbio– y se rige por el principio de autodefensa (al menos en última instancia), favorece el despotismo interno de sus miembros o por lo menos obstaculiza su democratización. Por eso es que no se puede combatir el poder invisible más que con otro poder invisible igual y contrario [7, p/ 64].

Ahora bien, lo que vale en los asuntos públicos de un régimen democrático, en los que la publicidad es la regla y el secreto la excepción, eso no vale en los asuntos privados o cuando está en juego un interés privado. En las relaciones privadas es válido exactamente lo contrario: el secreto es la regla contra la intromisión de lo público en lo privado, y la publicidad es la excepción. Esto precisamente porque la

democracia presupone la máxima libertad de las personas individualmente consideradas, éstas deben ser protegidas de un control excesivo por parte de los poderes públicos [7, p. 68].

Bobbio concluye su ensayo de marzo 1988 diciendo que la democracia excluye en principio el secreto de estado, pero acepta que su utilización, mediante la institución de los servicios de seguridad, que actúan en silencio, es justificada como un instrumento necesario para defender, en última instancia, a la democracia misma. La propia ley que dicta normas para regular la conducta de estos servicios –dice– “habla de política informativa y de seguridad en bien y para la defensa del estado democrático” [7, p. 70]. Entonces, por lo hasta ahora recorrido queda como prioritaria la seguridad del Estado que impulsó a Maquiavelo a decir que cuando está en juego la “salud de la patria” no debe mediar ninguna consideración “de lo justo ni de lo injusto, lo piadoso ni lo cruel”. Para Kant que condena la razón de estado con miras a la paz perpetua, o la subordinación de la moral a los requerimientos de la política, su llamado a los principios morales es sin duda válido en

Bibliografía

1. Alocución sobre «Misuses of Power: Causes and Corrections»
Malos usos del poder: causas y correcciones. En esa ocasión Nye distingue entre «hard power» (poder de coerción) y «soft power» (poder de atraer). <http://hbswk.hbs.edu/archive/4290.html>)
2. Cfr. Marco Revelli, «prefacio» al libro de Norberto Bobbio *Democracia y secreto*, trad. de Ariella Aurelli, José F. Fernández Santillán, México, FCE. 2013, p.7
3. Resistenza XXIV, enero de 1970, núm. 1, p. 3
4. D. Wise y Thomas B. Ross, *The Invisible Government*, Nueva York, 1974, p. 3. Citado por Norberto Bobbio en la introducción a Ernst Fraenkel, op. cit., p. XXII. (Traducción al español: *El gobierno invisible*, Hemisferio, Buenos Aires, 1976, p. 10).
5. Norberto Bobbio, «La democracia e il potere invisibile», *Rivista Italiana di Scienza Politica* X, 1980.
6. Norberto Bobbio «El poder invisible al interior y contra el Estado», en *Democracia y secreto*, op. cit., p. 37,
7. Norberto Bobbio, *Democracia y secreto*, op. cit., p. 53.
8. http://es.wikipedia.org/wiki/poder_blando (Consultada en fecha 01/12/2014).
9. Joseph Nye, "Misuses of Power: Causes and corrections", en <http://hbswk.hbs.edu/archive/4290.html>.
10. Marco Revelli, "Prefacio" al libro de Norberto Bobbio *Democracia y secreto*, trad. de Ariella Aurelli, José F. Fernández Santillán, México, FCE. 2013.
11. Norberto Bobbio, *Democracia y secreto*, trad. de Ariella Aurelli, José F. Fernández Santillán, México, FCE. 2013.
12. Wikipedia: <http://es.wikipedia.org/wiki/poderblando> (Consultada el 01/12/2014).

УДК 32.001 + 321.7

Роберт Стингл

Автономный университет штата Мехико

Страх и разногласие как основания политики

С эволюционной точки зрения страх всегда выступал в качестве двигателя действия. Как эмоциональная реакция, страх помогает нам обращать внимание на опасные ситуации и наступает еще до того как возникает установка к бегству или к предосторожности. Существует несомненная связь между страхом и действием, ибо страх – это также и форма мобилизации. С античных времен риторика связывает страх с политикой, а современная эпоха доводит эту корреляцию до полного совершенства. Еще Макиавелли указывал, что гораздо лучше, чтобы народ боялся своего правителя, чем любил его.

В наше время мы сталкиваемся с механизмом страха не только в сфере политики, но в средствах массовых коммуникаций; стратегия страха находит свое применение и в экономике, которая оттачивает этот инструмент манипуляции. Иррациональный страх сознательно нагнетается по поводу несуществующих опасностей с целью получить голоса избирателей и удержаться у власти.

Ключевые слова. Страх, разногласие, политика, демократия, политическое средство

UDC 32.001 + 321.7

Robert Stingl
Autonomous university of State of Mexico

Fear and Discord as a political basis

In the history of evolution fear has always been an engine for further actions. An emotional reaction that allows us to act in the face of danger. Fear starts the action of avoidance or evasion. From a psychological point of view, there is a clear link between fear and action. Therefore, fear is also part of political mobilization and since the ancient world part of politics. The ancient rhetoric directed the fear in the teaching of effects and to date its use has been perfected. Machiavelli stated already, it would be better, though the prince would not be loved by his people that it would be better if they fear him. Today we are experiencing, reinforced by the media, a machine of fear and not only in politics. The economy or the health system makes also use of fear campaigns. They created not only fears, referring to a concrete object, they also create irrational fears.

Keywords: Fear, discord, politics, democracy, political medium

CDU 32.001 + 321.7

Robert Stingle
Universität des Bundesstaates Mexicos

Angst und Zwietracht als politisches Fundamentos

Angst war als der Evolutionsgeschichte schon immer ein Motor zu weiteren Handlungen. Eine emotionale Reaktion, die uns ermöglicht im Angesicht der Gefahr zu handeln. Sie setzt vor der Vermeidung oder Flucht ein. Aus psychologischem Grund gibt es eine klare Verbindung zwischen der Angst und Aktion. Daher ist die Angst auch Mittel zur politischen Mobilisation und ist seit der Antike Bestandteil der Politik. Die antike Lehre der Rhetorik verwies die Angst in die Effektenlehre und bis heute wurde ihr Einsatz perfektioniert. Auch Machiavelli stellte schon fest, dass es besser wäre, wenn schon der Fürst nicht geliebt werde, dass es besser sei wenn das Volk ihn fürchte.

Heute erleben wir, verstärkt durch die Medien, eine Maschine der Angst und kommt nicht nur in der Politik zum Einsatz. So bedient sich auch die Wirtschaft oder das Gesundheitssystem ihrer. So wurden nicht nur rationale Ängste, die sich auf ein konkretes Objekt beziehen, sondern auch irrationale Ängste gefördert.

Schlüsselwörter: Angst, Zwietracht, Politik, Demokratie, politische Mittel

Im Gegensatz zur *Hard Power*, mit der politische Ziele durch ökonomische oder militärische Mitteln erzwungen werden sollen, wird *Soft Power* als Mittel bezeichnet, das durch einen ideologischen und kulturellen Einfluss auf Entscheidungsträger Veränderungen in der Gesellschaft und Politik herbeiführen soll. Auch wenn sich die beiden in ihrer Erscheinungsform klar unterscheiden, haben sie zum Ziel, politische Akteure zu beeinflussen, und werden mehr oder weniger aggressiv eingesetzt, aber auch wahrgenommen. Kommt es zu einem Zusammenspiel zwischen *Soft-* und *Hard Power* spricht man auch von *Smart Power*. Sie schließen sich gegenseitig nicht aus, sondern ergänzen sich. Es sind drei politische Begriffe, die von Joseph Nye definiert wurden und fast jedes politische System bestimmen. Auch wenn er die *Soft Power* eher als positive Form der Veränderung durch kulturelle Werte sieht, welche eine Anziehung auf politische Entscheidungsträger ausüben können – wie zum Beispiel durch Technik und Wissenschaft oder kulturelle Errungenschaften –, sind es auch negative Impulse wie Angst und Zwietracht, die auch seiner Definition gerecht werden, da sie als politisches Mittel nicht offensichtlich sondern meist

unterbewusst wirken. Sie werden nicht negativ wahrgenommen, so wie der Einsatz von Gewalt. Negativ sind sie in dem Sinne trotzdem, da sie nicht die Vernunft sondern Instinkte im Mensch ansprechen. Ihr Einsatz stellt die Frage über ihre Rechtfertigung, die nur in Verbindung zu ihren Zielen bewertet werden können. In der Politik rechtfertigen die Ziele auch die Methoden. Auch wenn diese auf ein Gemeinwohl ausgerichtet sind, sind die Methoden zur Erlangung zu hinterfragen. Das Problem stellt sich aber, dass die eingesetzten Mittel nicht die Vernunft sondern die Instinkte ansprechen und somit stehen sie grundlegend gegen eine Politik auf der Grundlage von vernunftbegabten Wesen. Im Sinne der Moderne und dem Verständnis von Demokratie sollten politische Entscheidungsfindungsprozesse so gestaltet werden, dass sie von einer breiten Masse nachvollziehbar sind, da diese alle betreffen, und nicht durch Instinkte bestimmt werden, die möglicherweise nur einen kleinen Teil favorisieren. Gesetze als Konsequenz von politischen Entscheidungen sollten Produkte des rationalen Denkens und nicht eines Impulses sein, da sie sonst zur Ungerechtigkeit führen können. Auch sollten sie aus einer Notwendigkeit der realen Problemen entste-

hen und nicht durch Ideologien oder Weltbilder, da diese oft konträr zu den realen Bedingungen stehen. Zweifelslos kann durch die Stimulation von Instinkten des Wählers viel erreicht werden, aber sie führen zu einem ethischen Problem, da sie direkt mit den Zielen in Verbindung stehen und diese sie letztlich auch rechtfertigen müssen. Die Frage welche Ziele nun den Einsatz solcher Mittel rechtfertigen können, beantwortet nur die Geschichte.

Während die Mobilisierung des Volkes früher einen konkreten Bezug hatte, wie zum Beispiel einen heran nahenden Feind, so bleiben die wahren Zielsetzungen durch Ideologien und einer immer komplexeren Welt verschlossen. Es kommt daher immer mehr zur Tendenz bei der Mobilisierung von Wählerstimmen auf eine Stimulation der Instinkte in der Bevölkerung, da die Bürger, durch die Komplexität einer hochmodernen Welt überfordert sind, diese rational nachzuvollziehen. Politische Entscheidungsträger sehen aber auch den Vorteil im Einsatz solcher Mittel darin, dass man durch unterbewusste Strategien große Stimmenzuwächse generieren kann, auch wenn diese ethisch schwierig vertretbar sind, und es daher ein effektives Mittel zum Machterwerb und Machterhalt ist.

Nachdem in einer globalisierten Welt *Hard Power*, also eine politische Umsetzung durch militärische und ökonomische Mitteln, von einem Großteil der Bevölkerung negativ betrachtet wird, bedarf es geschickter Strategien, um Veränderungen in der Bevölkerungen herbeizuführen, die auf den ersten Blick so nicht erkennbar sind. Das gilt sowohl für die eigene Bevölkerung als auch auf andere Länder.

Zwei politische Mittel, die in den letzten Jahrzehnten häufiger eingesetzt wurden, sind die Angst und die Zwietracht. Jeder historische Abschnitt und sein politischer Kontext brachte eigene Ängste hervor. Es waren die Angst vor Naturkatastrophen, Epidemien oder ökonomische und militärische Bedrohungen. Individuelle Ängste transformierten sich zu kollektiven Ängsten, aber immer in Bezug auf ein konkretes Szenario. So unterscheidet sich der Einsatz einer Politik der Angst in den letzten Jahren dadurch, dass sie nicht nur vermehrt eingesetzt wird, sondern auch, dass Ängste konstruiert werden und sich nicht mehr auf etwas Konkretes beziehen. Die Angst entsteht durch Möglichkeiten und nicht mehr aus einer Notwendigkeit. Dabei wirkt sie wie ein Impuls, der einen Mechanismus im Menschen Gang setzt, und ist somit immer ein Auslöser für

weitere Aktionen. So führt sie zur Flucht und Vermeidung oder dazu, sich der Gefahr zu stellen. Auf jeden Fall führt sie zu einer Veränderung des Verhaltens und ist ein wichtiger genetischer Bestandteil des Überlebens. Die Politik der Angst stimuliert genau diesen Impuls.

Während sich die Angst früher konkret auf eine einzelne Bedrohung und ihre Auswirkungen bezog, so veränderte sich das gesellschaftliche Klima der letzten Jahre, indem man mit der Angst immer öfter aktiv Politik betreibt. Die Angst wird benutzt, um den Menschen zu Veränderungen zu bewegen, an denen er aus Trägheit kein Interesse hat, oder um ihn zu etwas zu bewegen, auch wenn es gegen seine eigenen Interessen gerichtet ist. Als politisches Mittel ist die Angst seit der Antike bekannt und wurde über die Renaissance perfektioniert, vor allem durch das Werk Machiavellis. Sie soll dem Fürsten zum Machterhalt dienen und ist somit ein legitimes Mittel in der Politik. Dennoch hatten sie zum Ziel, die Gemeinschaft zu schützen und stärken. Auch wenn Machiavellis Idealfürst als eine politische Person frei von ethischen und moralischen Prinzipien erscheint und in erster Linie auf seinen Machterhalt bedacht sein sollte, war sein politisches Ziel auf ein Gemeinwohl des Volkes ausgerichtet. Durch das

Ziel konnte er die Mittel rechtfertigen. Ab der Moderne werden nicht nur die Ziele sondern auch die Methoden kritisch betrachtet. Durch den Zerfall der Gesellschaften in Einzelinteressen ist die Angst nicht mehr auf ein Ziel ausgerichtet, sondern vielmehr ein Mittel, um die partikularen Interessen bestimmter Gruppen gegen andere durchzusetzen. Dies führte dazu, dass sich Ängste in verschiedenen Formen manifestieren, je nach den politischen Zielen, die damit verwirklicht werden sollen. Zusammen mit der Zwietracht ist die Angst zum wichtigsten Bestandteil der aktuellen Politik geworden. Die Angst ist ein Grundgefühl der Modernen und artikuliert sich auf verschiedenste Weise. So ist es nicht nur die Existenzangst, die uns heute bestimmt, sondern sie findet sich auch wieder in den Themen wie die Umwelt, Arbeit, Familie, Staat, Sicherheit, Gesundheit, Wissenschaft usw.

Die Idee eines größtmöglichen Konsens und des Gemeinwohls als Ziel des politischen Diskurses, um Gesellschaften auf einer Basis der Solidarität und einer sozialen Gerechtigkeit zu gründen, wich heute den Zielen partikulare Interessen oder Weltbilder. Gesellschaften werden nicht mehr aufgrund ihrer sozialen Notwendigkeiten geformt, sondern vielmehr aus den

PV-PRO. COMPLEX PROBLEMS OF A MODERN POLICY

Weltbildern der jeweiligen politischen Protagonisten. Sie zwingen Gesellschaften dazu, sich den jeweiligen Idealen der Parteien oder Personen anzupassen. Der stärkste Faktor, der die Politik bestimmt, ist zweifellos die Wirtschaft, der sich sämtlichen sozialen Aspekte unterordnen muss. So werden grundlegende und wichtige Prozesse zur Bildung von Gesellschaften, wie Bildung oder Gesundheit, nur unter ökonomischen Gesichtspunkten betrachtet. Die eigentlichen Bedürfnisse müssen oftmals ideologischen Weltbildern weichen. Der Bürger ist nicht mehr Ziel der Politik, sondern vielmehr Mittel zur Realisierung von bestimmten politischen Interessen. Diese Eigeninteressen werden durch Ideologien getarnt, die aber ihren Idealen und Begriffen nicht gerecht werden. So betreiben zum Beispiel Sozialisten keine soziale Politik mehr oder Konservative vertreten keine bürgerlichen Werte, auch wenn sie vorgeben, sich dem Bürger verpflichtet zu fühlen. Die Ideologien zwingen Bürger dazu, sich an diese anzupassen und nicht umgekehrt. Zu den wichtigsten Motoren dieser politischen Zielerfüllung werden Angst und Zwietracht, weil diese nicht die Vernunft, sondern den animalischen Effekt im Menschen ansprechen. Obwohl durch diese Mittel be-

achtliche Erfolge erzielt werden können und sich Gesellschaften aktiv formen und verformen lassen, treibt es aber auch die Entsolidarisierung voran und kann nicht nur in einer weiteren Entfremdung zwischen dem Staat und seinen Bürgern münden, sondern auch in einen kompletten Zerfall der Gesellschaften in ihre Einzelinteressen. Unter diesem Gesichtspunkt sind wichtige Entscheidungen wie etwa im Sozial- und Gesundheitswesen oder auch in der Erziehung nicht mehr möglich. Die Angst übernimmt die Funktion der Mobilisierung, sie bildet vor allem den Antrieb zu Veränderungen. Sie hilft auch, dass sich Gesellschaften oder Teile davon gegenüber einem gemeinsamen äußeren Feind eine Einheit bilden. Oft stehen den ideologisch motivierten Veränderungen die individuellen Freiheiten des Bürgers entgegen. Zum Beispiel musste die Notwendigkeit eines Kriegsgrundes der USA gegen den Irak erst geschaffen werden, da er rational für die Bürger der USA nicht nachvollziehbar war. Der Boden für die Intervention musste erst aufbereitet werden, um eine breite Zustimmung des Volkes dafür zu gewinnen. Es wurde ein Klima der Angst geschaffen unter dem Eindruck einer ständigen Bedrohung durch weitere terroristischen Anschläge, die

auch dazu geführt haben, dass man Freiheiten des Bürgers, die hinderlich gegen diesen Kriegsgrund waren, beschnitt. Somit wurden nach den Anschlägen vom 11. September 2001 auch die Presse und Meinungsfreiheit indirekt eingeschränkt und eine kritische Berichterstattung war kaum mehr möglich, da sich die Gesellschaft gegen den Feind solidarisierte. Eine Abweichung von der gemeinsamen Linie wurde mit Argwohn betrachtet. In diesem Klima wich die Vernunft der Angst und Hysterie. Ein Vorteil für die politischen Entscheidungsträger war, dass Freiheiten heute nicht mehr wegen dem Ideal an sich verteidigt werden sondern nur mehr aus Gewöhnung an sie. Das machte es leichter diese zu beschneiden, da diese nur mehr bedeutungslose Floskeln sind. Daher mussten nur Notwendigkeiten geschaffen werden, die den Bürger zur Aufgabe dieser Freiheiten brachten. Es liegt in der menschlichen Natur, dass Veränderungen misstraut werden, wenn diese im Gegensatz zu den Gewohnheiten stehen. Solange es dem Mensch gut geht, will er auch keine Veränderungen. Sollen sich aber nun Gesellschaften nach den Weltbildern der politischen Entscheidungsträger richten, muss man einen Impuls setzen, um diese Veränderungen zu

erreichen. Genau dort setzt die Angst ein. Gepaart mit der Zwietracht kommt es zu einer extremen Polarisierung der Gesellschaft, die meist radikal in ihren Interessen und Meinungen über ihre Verschiedenheit und ihre Ziele aufeinanderprallt. Da in modernen Demokratien nur mehr einfache Mehrheiten ausreichen, um Entscheidungen durchzusetzen, muss man die entsprechenden Zielgruppen, die diese Mehrheiten beschaffen können, ansprechen. Dies ist auch hilfreich, um etwaige kritische Stimmen oder eine Opposition zum Schweigen zu bringen. Es wird daher eine Politik betrieben, in der gezielt Gruppen gegeneinander ausgespielt und aufgehetzt werden.

Der Streit über die Staatsschulden Griechenlands ist ein hinreichender Beweis für diese politische Strategie. Obwohl die europäische Union, allen voran Deutschland, nicht den griechischen Staat finanzieren und das Geld somit nicht dem Bürger, sondern aus wirtschaftlichen Eigeninteressen dem Finanzsystem zukommen lassen, werden Feindbilder konstruiert. Es wird das Bild des faulen und korrupten Griechen bemüht, der an seiner Misere allein die Schuld trägt, und andererseits des armen, fleißigen Deutschen, der jetzt für die Verfehlungen eines anderen Staates aufkommen

PV-PRO. COMPLEX PROBLEMS OF A MODERN POLICY

muss. Verschwiegen wird aber dabei die vollkommen verfehlte Finanzpolitik, in der man einem hoch verschuldeten Staat noch mehr Kredite gewährt hatte, obwohl man wusste, dass er nicht in der Lage ist, diese Schuld zu begleichen. Um den finanziellen Mehraufwand zu rechtfertigen und die eigentlichen Motive der Rettung des Banken- und Finanzsystems als Rettung des griechischen Staates zu verschleiern, setzte eine Kampagne der Zwietracht gegen die Bevölkerung Griechenlands ein, die von den Boulevardblättern weiter angeheizt wurde. Die Angst, dass die deutschen Steuerzahler schwere finanzielle Verluste erleiden müssen, erledigt ihr Übriges. Die europäische Union fährt eine gefährliche Strategie, da diese Hetze gegen den eigentlichen Sinn der europäischen Einheit steht und zu ihrem Zerfall beitragen kann.

Es wird aus den Krisen politisches Kleingeld gewonnen, anstatt sie zu lösen oder Strategien zur Vermeidung zu entwickeln. Das politische Klima wird auch durch die Herabwürdigung des politischen Gegners oder in einer Konstruktion eines Bedrohungsszenarios, falls der andere Kandidat gewinnen sollte, geprägt. Offen werden Arbeiter gegen Studenten, Arm gegen Reich, Jung gegen Alt und Frauen

gegen Männer ausgespielt. Es geht nicht mehr darum, eigene politische Ziele zu definieren, sondern nur mehr darum, sich gegen andere Parteien zu behaupten. Der Neid und die Zwietracht sind dabei behilflich. Was Wähler mobilisiert, ist die Angst, gegenüber einer Gruppe zu kurz zu kommen oder sich wenigstens nicht genügend Vorteile verschaffen zu können. Das Resultat ist, dass sich die Gesellschaft zunehmend entsolidarisiert. Der Zerfall der Gesellschaft in ihre Einzelinteressen hat auch den Vorteil, dass die Politik in den aktuellen Demokratien diese nicht mehr in ihrem Ganzen sehen muss. Es sind nur mehr Mehrheiten notwendig, um die politische Macht zu erlangen und Entscheidungen auf diese zu begründen. Es geht nur darum, eine gewisse Wählergruppe zu mobilisieren; am besten diejenigen, die noch aktiv an den Wahlen teilnehmen und noch politisches Interesse zeigen. Auch wenn die Politik meist auf die Interessen einer kleinen, wohlhabenden Schicht ausgerichtet ist, reicht diese zur Erlangung politischer Macht nicht aus. Auch wenn sie die finanzielle Hauptlast an der Finanzierung der Wahlprogramme tragen um somit auch die politischen Inhalte bestimmen, bedarf es die Mobilisierung einer bestimmten Wählergruppe. Genau hier

präsentiert sich aber auch der Unterschied zwischen den Interessen des Wählers und den eigentlichen Inhalten der Parteien, die ihm aber verborgen bleiben. Die in vielen Ländern immer weiter sinkende Wahlbeteiligung trägt dazu bei, dass man nicht nur den Begriff der „Demokratie“ als eine Partizipation durch eine größtmögliche Mehrheit in Frage stellen muss, sondern auch die Gefahr, dass sie in Diktaturen von Minderheiten münden. Die US-Wahl im Jahr 2000 von George Bush zum Präsidenten des mächtigsten Landes der Welt bestätigt genau diese Annahme. Bei der Wahl erlangte er das Präsidentenamt bei einer Wahlbeteiligung von 50,3%. Begünstigt durch das Wahlsystem, gewann er mit nur 47,9% der Stimmen, obwohl sein Kontrahent Al Gore 48,4% der Stimmen für sich gewinnen konnte. Kein anderer als George Bush veränderte ab dem Jahr 2000 die Welt und destabilisierte sie – obwohl er nicht einmal 18% der US-Bürger hinter sich vereinigen konnte. Dennoch konnte er in den Krisen vom 11. September 2001 und den Kriegen gegen Afghanistan, Irak und den Terror eine Mehrheit seines Volkes für seine Politik hinter sich vereinigen und somit seine Wiederwahl 2004 sichern. Der Erfolg ist aber nicht auf seine positiven politischen Strategien

oder soziale Veränderungen in der Gesellschaft zurückzuführen, sondern vielmehr auf eine Politik der Angst, die sich durch die Terroranschläge in den USA verbreitete. Es wurden Bedrohungsszenarien erschaffen, die zur breiten Akzeptanz einer militärischen Intervention führten, obwohl stichhaltige Beweise und Fakten über eine Beteiligung des Iraks bis heute fehlen.

Im angloamerikanischen Raum ist nach den Anschlägen in New York vom September 2001 diese Methode wieder in das öffentliche und wissenschaftliche Interesse gerückt und allgemein als *politics of fear* bekannt. Die Vereinigten Staaten sind weithin als die Nation bekannt, die wie keine andere Grundrechte und die persönliche Freiheit ihrer Bürger garantiert. Dies kann man auch sehr gut am liberalen Waffenrecht sehen, das ein Verbot kaum zulässt, da dies die Grundrechte der Bürger beschneiden würde. Auch nach vielen tödlichen Zwischenfällen, die in der Öffentlichkeit Aufmerksamkeit erregten, ist die Durchsetzung eines Verbotes nicht möglich, da noch eine Mehrheit am ihr garantierten Verfassungsrecht festhält. Der Staat verhält sich prinzipiell gegenüber seinen Bürgern passiv und hat kaum Rechte, in die Privatsphäre einzudringen. Was aber durchaus für den Staat bei der Ver-

brechensbekämpfung oder steuerrechtlichen Angelegenheiten hinderlich sein kann. Um der Aufgabe der öffentlichen Sicherheit gerecht zu werden, bedarf es rechtlichen Mitteln, die diametral gegen die Grundrechte der Bürger standen. Der 11. September 2001 änderte nicht nur den Umgang mit diesen Freiheiten, sondern erzeugte auch ein Klima der Angst. Die Anschläge trafen eine Nation, die sich für unverwundbar hielt, in ihr Herz. War vor dem Anschlag eine Änderung dieser grundlegenden Freiheiten des Bürgers undenkbar, so ging es nach den Anschlägen umso schneller. Der Staat bekam das Recht, ohne richterlichen Beschluss seine Bürger abzufragen, sie für eine gewisse Zeit festzuhalten und sie unter den neu geschaffenen Terrorgesetzen zu verdächtigen und auszusperrieren. Er drang immer mehr in die Grundrechte seiner Bürger ein und das mit ihrer Billigung. Der Kampf gegen den Terror rechtfertigte jede Mittel. Die Folter in Guantanamo wurde somit als legitimes Mittel der Selbstverteidigung anerkannt, auch wenn dadurch sämtliche rechtsstaatliche Prinzipien gebrochen wurden. Kritische Stimmen wurden als Verrat bezeichnet, und somit gab es auch keinen freien Raum der Meinungsäußerungen mehr.

George Bush stellte die Richtlinie auf, wer nicht mit uns ist, ist gegen uns, und brachte damit sogar im eigenen Land kritische Stimmen zum Schweigen. Opposition und Medien verhielten sich gegenüber den radikalen Veränderungen passiv, um nicht selbst in Verdacht zu geraten. Doch war der interne Abwehrkampf gegen den Terrorismus nicht genug, er wurde auch nach außen getragen. Es wurde Stimmung für einen Krieg gegen den Irak und Afghanistan vorbereitet, für die es unter normalen Umständen keine Zustimmung aus der Bevölkerung gegeben hätte. Die Vereinigten Staaten betrieben bewusst eine Politik der Angst, um so eine ganze Nation zu ändern und die außenpolitischen und innenpolitischen Ziele eines kleinen, elitären Kreises rund um die konservativen Hardliner zu erreichen. Die konspirative Vermutung liegt natürlich nahe, dass die Verantwortlichen zumindest von den Attentaten gewusst und sie nicht verhindert haben, um so eine Gesellschaft radikal ändern zu können.

Die Angst ist als Mittel in der Politik kein neues Phänomen. In der Antike kannte man schon seit Thukydides, neben Ehre und Besitz, die Angst als motivierende Hauptkraft des politischen Handelns. Sie kam immer dann zum Einsatz, wenn es höhere Ziele verlangten. So

wurde eine Gefahr heraufbeschworen, um das Volk gegen einen möglichen Gegner zu mobilisieren. Ein Mittel, das noch heute angewendet wird, um ein kriegsmüdes Volk vom Einsatz militärischer Mittel zu überzeugen. Daher fand die Angst auch den Eingang in die Rhetorik der Antike und wirkte bis in die Aufklärung nach. In der Rhetorik hat sie ihren Platz in der Affektenlehre, ist aber heute so nicht mehr wiederzufinden. Die Mittel sind durch die Massenmedien wesentlich effektiver und unterschwelliger in ihren Methoden. Doch im Kern hat sie bis heute denselben Effekt: Sie soll den Menschen zu Taten bewegen, die der Verstand womöglich nicht zulassen kann. Durch die Stoiker fand die Angst den Weg in die klassische Philosophie, die sie als einen Grundzustand des Menschen beschreibt. Schon in der Antike war die Angst ein fester Bestandteil der Reflexionen über eine Grundkonstante des menschlichen Seins und überdauerte den Diskurs bis in die Neuzeit. Es war Machiavelli, der feststellte, dass Angst nicht nur ein Mittel zur Motivation des Bürgers ist und ihn sozusagen „freiwillig“ zu seinem Einsatz für die Regierung drängt, sondern auch intern zum Machterhalt und zur Aufrechterhaltung der Ordnung geeignet ist. So meint Machiavelli, wenn der „Principe“ von

seinem Volk nicht geliebt wird, dass es besser sei, wenn er gefürchtet wird. Die Furcht wird zur Konservierung der eigenen Macht gebraucht. Dies setzt aber ein negatives anthropologisches Menschenbild voraus, das auch Thomas Hobbes mit Machiavelli teilt. Es ist die Grundannahme, dass der Mensch an sich schlecht und defekt sei. Er ist sich der eigene Feind und zeichnet sich durch Furchtsamkeit und Aggressivität gegenüber seinesgleichen aus. Dort, wo die Moralität in den sozialen Bindungen scheitert, also der Verstand einen Defekt aufweist, muss die Angst zum Instrument der Stabilisierung werden. Da der Mensch kein rein vernunftbegabtes, sondern primär ein emotional getriebenes Tier ist, kann die Angst in ihm zur Entfaltung kommen. In der Antike galt die Angst noch als ein passives Gefühl, die es durch Tugenden zu überwinden galt. Bei Machiavelli wird sie zu einem zentralen Bestandteil der Politik oder bei Hobbes zum entscheidenden Antrieb jeglichen politischen Handelns. Die Angst wird von einem passiven zu einem aktiven Gefühl. Sie transformiert einen individuellen Zustand in einen kollektiven. Regierungen eignen sich die Angst als produktives Mittel an, um über ihre Bürger und deren individuelle Neigungen hinweg zu bestimmen. Die

Angst wird zu einem Kernelement der Politik in der Moderne.

Sören Kirkegaard schuf in seiner Arbeit „Der Begriff der Angst“ auch die Grundlage für eine neue Existenzphilosophie, die sie als Grundkonstante des menschlichen Seins beschreibt: „Ohne Angst lernt der Mensch nicht!“ Bemerkenswert in Kirkegaards Arbeit ist die Unterscheidung zwischen Angst und Furcht. Während sich die Furcht auf ein konkretes Objekt bezieht, ist die Angst objektlos. Heute werden diese zwei Begriffe oft synonym verwendet; das sind sie aber nicht. Kirkegaard beschreibt die Angst nicht generell als negativ. Sie öffnet ihm die Möglichkeit, zwischen vielen Optionen zu wählen, und ist somit Voraussetzung für die Freiheit. Sie impliziert aber auch die Möglichkeit einer schlechten Wahl, und so ist sie auch die Grundlage für die Sünde.

In der Tat muss man wohl zwischen rationalen und irrationalen Ängsten unterscheiden. Während sich rationale Ängste auf ein konkretes Bedrohungsszenario beziehen, sind irrationale Ängste lediglich Möglichkeiten, die unter bestimmten Umständen eintreten können. Sie sind konstruiert! In der Evolutionsgeschichte des Menschen haben irrationale Ängste mit der Religion und Politik ihren Anfang gefun-

den. Diese Ängste dienen als Antrieb, um das Individuum zu etwas zu zwingen, dass nicht in seinem natürlichen Umfeld ist. Die Religionen bieten sehr wohl die Freiheit im Glauben, implizieren aber in gleicher Weise Konsequenzen bei Nicht-Erfüllung. Der Mensch wird zum Gefangenen seiner Angst.

Die Angst hat in der Evolutionsgeschichte des Menschen eine sehr wichtige Funktion. Sie ist ein internes und emotionales Grundgefühl des menschlichen Seins und tritt immer vor einem Flucht- oder Vermeidungsverhalten auf. Entgegen der häufigen Annahme, dass Angst nur paralyisiert, steht die Angst in einer direkten Verbindung mit dem Handeln. Sie ist der Initiator für weitere Handlungen. Dabei kommt es auf die Dosierung der Angst an. Es stimmt, dass zu viel Angst zu einer Paralyse führt, aber bei zu wenig Angst kommt es zur Unterschätzung der Gefahr. Die Angst unterliegt daher individuellen Lernprozessen. Nach Kirkegaard muss der Mensch das Fürchten erst erlernen. Der Mensch hat in seinen Genen nur die Funktion der Angst selbst, diese bestimmt aber nicht, wovor er Angst hat. Menschen können ihre Ängste durch individuelle Erfahrungen erlernen oder auch verlernen. Somit können auch aus individuellen Ängsten kollektive werden, wenn

eine bestimmte Gruppe eine Angst gemeinsam erlernt. So gibt es neben den Grundängsten in verschiedenen Epochen Ängste, die ganze Völker teilen: vor Krieg, Pest, Krankheiten, Wirtschaftskrise, etc. In Europa ist dieser Prozess seit fünfzig Jahren deutlich zu erkennen. Nicht nur, dass es die reale Bedrohung durch einen möglichen Atomkrieg zwischen Ost und West gab, herrscht eine weit verbreitete Angst vor der Einwanderung und der Vermischung mit anderen Kulturen. Es ist ein Klima der Verunsicherung und letztlich auch ein permanenter Zustand der Angst vor dem Verlust der eigenen Kultur, vor dem Verlust der eigenen Identität. Individuell ist es die Grundangst vor Veränderungen, kollektiv wird die Migration als reale Bedrohung wahrgenommen und zum Mittel einer Politik der Fremdenfeindlichkeit. Auch wenn sämtliche Statistiken gegen dieses konstruierte Bedrohungsszenario sprechen, ist diese Angst von einer irrationalen zu einer rationalen geworden. Das ist ein idealer Nährboden für politische Parteien, sich diese Ängste zu eigenzumachen und sie zu forcieren. Da die politische Lüge und Übertreibung Hand in Hand mit der Angst geht, haben rechte Parteien, die traditionell dieses Thema besetzen, beachtliche Erfolge

gefeiert, auch wenn die Mehrheit ihrer Wähler sich nicht mit den Inhalten dieser Parteien identifizieren. Die Erfüllung der eigenen Machtinteressen der Parteien erscheint wichtiger als der verantwortungsvolle Umgang mit rationalen oder irrationalen Ängsten. Erschwerend kommt dazu, dass aus einem historischen Kontext sich die Angst vor dem Fremden in ein gesellschaftliches Tabu geändert hat. Somit fühlen sich große Teile der Bevölkerung mit ihren Ängsten allein gelassen und werden leicht Opfer für Demagogie und Verführer. Man könnte meinen, dass die Unwissenheit Grundlage für die Angst ist. Aber rationale Argumente scheinen nicht fruchtbar. Die Aufklärung ist in einer hedonistischen Welt ein gescheitertes Projekt. Viel wichtiger ist, dass die Rationalität nur die Angst konserviert. Machiavelli meint dazu, dass durch die Vernunft die Angst zu einer untertänigen Vernunft vor den Gesetzen wird. Hobbes konstatiert, dass diese Vernunft ein Nutzungskalkül zwischen dem Individuum und der Allgemeinheit erzeugt.

Die Angst ist nicht nur Mittel in den politischen Prozessen, sondern hat auch in anderen Bereichen der Gesellschaft Einzug genommen. Mit der Wirtschaftskrise von 2008 ist es den Konzernen gelungen, die Arbeitnehmervertreter zu weiten Ein-

geständnissen zu bringen, um so die strikten Arbeitsrechte in vielen industrialisierten Ländern zu lockern. Aus Angst vor dem Verlust des Arbeitsplatzes war der Arbeiter nun bereit nicht nur ökonomische, sondern auch arbeitsrechtliche Einbußen hinzunehmen. Auch die Gesundheitsindustrie lukriert große Gewinne mit dem Grundgefühl der Angst. In Betracht von Krankheiten sind die meisten Patienten, bereit jegliche Summen für Medikamente und Behandlungen auszugeben. Die Autorität der Ärzte verbietet prinzipiell ein kritisches Hinterfragen über die Notwendigkeit. Die Angst vor möglichen Erkrankungen ist aber auch die effektivste Form, eine Veränderung des

Lebensstils herbeizuführen. Prinzipiell ist die Angst ein Mittel und ihre Legitimation hängt von den Zielen ab. Ihr ständiger Einsatz führt aber zu einem Klima der Verunsicherung und einem Vertrauensverlust in der Gesellschaft, der nicht so leicht umkehrbar ist. Dort, wo eigentlich die Vernunft herrschen sollte, setzt die Paranoia ein und führt zu einem Bruch des sozialen Konstrukts. Dies wird durch den Einsatz von Zwietracht verstärkt, was zu einer vollkommenen Entsolidarisierung führt. Solidarität und Gemeinschaft sind keine Werte, die man durch Angst oder Zwietracht erreichen kann. Wohin uns Gesellschaften, die auf Angst und Argwohn gegründet sind, führen, ist absehbar.

Bibliographie:

1. Fetscher, Iring (Hrsg.): Leviathan oder Stoff, Form und Gewalt eines kirchlichen und bürgerlichen Staates. In: Suhrkamp-Taschenbuch Wissenschaft. 462, Suhrkamp, Frankfurt am Main 1996 (Übersetzt von Walter Euchner)
2. Kierkegaard, Søren: Der Begriff Angst (Originaltitel: Begrebet Angst, aus dem Dänischen übersetzt und herausgegeben von Emanuel Hirsch). In: Gesammelte Werke 11/12, 3. Auflage, Gütersloher-Verlagshaus, Gütersloh 1991, Gütersloher Taschenbücher Siebenstern Band 608
3. Machiavelli: Il Principe / Der Fürst. Italienisch/Deutsch. Reclam Taschenbuch, Stuttgart 1995
4. Nye, Joseph S.: Soft Power. The means to success in world politics, New York, PublicAffairs 2004

УДК 321.74(72)

Фернандо Диас Ортега, Франсиско Хавьер Дуарте Хове
Автономный университет штата Мехико

Симуляционная демократия: юридически-электоральный подход

Нормативный анализ является первым шагом к анализу реальности и в этом ракурсе изучение электоральных процессов в Мексике обнажает отсутствие демократичности с позиции критериев нормативности. Это исследование изучает нормы, которые определяли процесс выбора главы нации с 1824 по 1917 год, анализирует мнимо-демократическую нормативность, стремившуюся, тем не менее, дать стабильность стране, в которой последняя крайне нуждалась.

Ключевые слова: Мексика, демократия, электоральный процесс, нормативность, симуляция

UDC 321.74(72)

Fernando Díaz Ortega , Francisco Javier Duarte Jove
Autonomous university of State of Mexico

**The simulated democracy: juridical-electoral
approximation to Mexico of XIX century**

The analysis of the laws is the first step in the analysis of reality, in that sense, the study of electoral processes in Mexico highlight the lack of democratizations from the same laws. This research analyze the election process of the national executive between 1824 and 1917, and analyzes a seemingly democratic law that attempt to give the country the much-needed stability.

Keywords: Mexico, democracy, electoral process, law, simulation

CDU 321.74(72)

Fernando Díaz Ortega , Francisco Javier Duarte Jove
Universidad Autónoma del Estado de México

**La democracia simulada: aproximación
jurídico-electoral al México del siglo XIX**

El análisis de la normatividad constituye el primer paso para el análisis de la realidad, en ese tenor el estudio de los procesos electorales en México ponen en evidencia la falta de democraticidad desde la normatividad misma. Esta investigación da cuenta de las normas que regían el proceso de elección del ejecutivo nacional entre 1824 y 1917, analiza una normatividad aparentemente democrática que buscaba darle al país la estabilidad que tanto necesitaba.

Palabras-clave: México, democracia, proceso electoral, normatividad, simulación

PV-PRO. COMPLEX PROBLEMS OF A MODERN POLICY

El análisis de la normatividad constituye el primer paso para el análisis de la realidad*, en ese tenor el estudio de los procesos electorales en México ponen en evidencia la falta de democraticidad desde la normatividad misma, el siglo XIX se constituyó como el siglo de la transición en México, pasando de un nacimiento con instituciones y procesos internos débiles a un siglo XX que da inicio a la verdadera senda de la democratización, iniciando con la estabilidad en los procesos electorales desde el punto de vista normativo. El siglo XIX fue el

siglo de la experimentación, por lo tanto de la inestabilidad, cuyo origen radicaba en la normatividad. En este lapso de un siglo es posible detectar en México tres sistemas federalistas, dos centralistas, dos dictaduras y dos imperialismos.

En esta investigación se dará cuenta de las normas que regían el proceso de elección del ejecutivo nacional entre 1824 y 1917**, es decir, desde la primera Constitución mexicana hasta la última expedida (que continúa vigente). Tal normatividad carecía de la democraticidad que permitiera darle al país la

*Hay una gran cantidad de trabajos e investigaciones acerca de los procesos electorales (Aguirre, 1995; Aziz, 1992; Carrancá, 1993), de sus resultados (Huerta, 1993; Woldenberg, 1992; Díaz, 1992; Reveles, 2000) y sobre la labor legislativa del país (Béjar, 1995; Meyer, 1996). Junto con éstas, hay obras que se enfocan tanto a los procesos electorales como a sus resultados, sin embargo todas tienen una temporalidad muy reciente y se centran en el análisis de los procesos reales sin contextualizar con la normatividad vista históricamente. Las obras vinculadas con la labor legislativa histórica suelen ser descripciones, interpretaciones o recopilaciones (Dublán, 1876) o las que hacen análisis de la evolución de procesos (Mendoza, 2004) no se asemejan a lo presentado en este análisis.

**La legislación contemplada en este artículo son seis textos constitucionales, la Constitución de 1824; las Leyes Constitucionales de 1836, las Bases Orgánicas de la República Mexicana de 1843, el Acta Constitutiva y de Reformas de 1847, la Constitución Política de la República Mexicana de 1857 y la Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos de 1917. Además se estudian cuatro leyes electorales, la Ley Orgánica Electoral de 1857, la Ley Electoral de 1901, la de 1911, y por último la Ley Electoral de 1917. Es necesario manifestar que del total de cuerpos normativos mencionados, se utilizarán sólo los asuntos que se vinculen con la elección del Ejecutivo Nacional.

PV-PRO. COMPLEX PROBLEMS OF A MODERN POLICY

estabilidad que tanto necesitaba, por tanto hubo cambios desde quiénes participan en las elecciones (comunidad política, quiénes votan y quiénes pueden ser votados), el grado de participación de los ciudadanos involucrados en las elecciones; el tipo de elección de cada legislación (directa, indirecta y en qué grado)*; el número y el tipo de fases contempladas en las legislaciones para los procesos de elecciones federales. Junto con ello hay que considerar el sentido de las reformas que sufrieron las leyes de tipo electoral durante su período de vigencia y la correspondencia de las leyes electorales en relación con el régimen político del que emanaron.

Uno de los elementos sustanciales de un régimen democrático es el acceso al poder mediante elecciones libres y equitativamente competidas. En México la primera Ley electoral se publicó en 1857, sin embargo, desde la primera constitución de 1824 se indicaba cómo debían de organizarse las

elecciones. A lo largo de las constituciones proclamadas en el siglo XIX, hubo momentos de mayor o menor exclusión de participación en los procesos electorales, lo cual hace complejas e interesantes las tendencias políticas del país, por eso este trabajo intenta determinar en qué sentido ha evolucionado el acceso al poder en el país de acuerdo a las leyes. En 1901 se publica la segunda Ley electoral dentro de lo que se define, según nuestro marco conceptual, como una dictadura constitucional, por lo que despierta la duda de esa aparente transición a la democracia por publicar una ley que pudiese servir para legitimar una forma de autoritarismo.

Con todo tenemos que la evolución de la legislación en México no fue lineal, es decir, los procesos de elección del ejecutivo nacional durante el siglo XIX, tuvieron avances y retrocesos posiblemente relacionados con los múltiples periodos mencionados durante todo el periodo estudiado, pues éstos son muestra de la inestabilidad

* Si bien teóricamente el voto directo e indirecto no son muestra de mayor o menor grado de democracia, en la realidad del periodo estudiado (al menos normativamente), ese cambio sí constituyó un avance democrático, puesto que había al menos dos figuras básicas en las elecciones indirectas, electores primarios y secundarios, y para los segundos los requisitos incrementaban su grado de discriminación (o exclusión).

PV-PRO. COMPLEX PROBLEMS OF A MODERN POLICY

política del siglo XIX. En ese sentido tenemos que tradicionalmente la historia sociopolítica de México puede dividirse en diez periodos: "primer federalismo (1825-1835), primer centralismo (1835-1843), segundo centralismo (1843-1846), segundo federalismo (1846-1853), tercer centralismo o dictadura de Santa Anna (1853-1855), reforma e imperio (1855-1867), república restaurada (1867-1876), porfiriato (1876-1911), revolución (1911-1929) y posrevolución (desde 1930 hasta la actualidad)" (Lizcano, 2013: 81). Los primeros nueve periodos contextualizan la normatividad analizada en este trabajo, sin embargo eso no implica una relación directa entre ellos (cambios políticos que distinguen la historia de México y las normas que rigen la selección del ejecutivo federal): por un lado una normatividad puede abarcar más de dos periodos de la historia de México, y por el otro, un mismo periodo de la historia de México puede cobijar varios cambios en la

normatividad de la selección del ejecutivo federal; por lo tanto, con los cambios en la normatividad trataremos de dar una caracterización general del entorno en el cual fue promulgada y tratando de explicar la realidad a la que se trataba de responder, sin embargo, eso no implica haya una causalidad entre el régimen y la promulgación de la norma en tanto que consideramos que la vigencia o aplicabilidad de la norma en la realidad es un aspecto que sale del objeto de estudio de este breve análisis.

Iniciando con el análisis de la comunidad política vemos que la exclusión de la población no necesariamente implica la discriminación de ésta, por lo tanto hay elementos vinculados con ambos polos. Esta evolución de la ciudadanía durante todo el siglo XIX puede verse a través de un trabajo realizado por Francisco Lizcano (2011) en el que analiza la evolución de la ciudadanía en ese mismo aspecto, y para ello establece dimensiones de acuerdo con su grado de discriminación*.

* Estas dimensiones pueden ser aplicadas tanto a los votantes como a los candidatos, por lo que propone que los requisitos legales se engloben en ocho dimensiones que pueden dividirse en variables. La primera dimensión es la socioeconómica, que se divide en tres variables: económica (expresada a través del ingreso o la propiedad), actividad laboral y alfabetismo. La segunda dimensión es la de género, la tercera

PV-PRO. COMPLEX PROBLEMS OF A MODERN POLICY

Para distinguir el grado de democracia de los procesos normados en el siglo XIX, es necesario tener un punto de referencia o parámetro que permita discernir cuándo un proceso puede ser considerado democrático, cuándo no y en qué medida. Por tanto, este trabajo consideró el *Código Federal de Instituciones y Procedimientos Electorales*

de 2008 únicamente como parámetro, sin pretender ajustar la realidad decimonónica con este código sustentado en *convenciones* internacionales relativas a procesos electorales democráticos. En ese sentido consideraremos que un proceso electoral debe ser analizado a partir de diversas fases como

es la moral, que se integra por cuatro variables: tahúr, ebriedad, vagancia, y la menos clara, mal entretenido. La cuarta dimensión es la judicial, que comprende cinco variables: procesado, sentenciado, con antecedentes penales, deudor de fondos públicos y declarado en quiebra fraudulenta. La quinta dimensión es la patriótica, que contiene tres variables: servicio a otra nación, nacionalización en el extranjero y aceptación de títulos nobiliarios de otras naciones. La sexta dimensión es la de incompatibilidad, formada por tres variables: incompatibilidad con ministros religiosos, con otros cargos públicos y con funciones policiales, judiciales o militares ejercidas en la jurisdicción de la elección. La séptima dimensión es la de edad y estado civil (jóvenes y solteros). Por último, la octava variable es la de identidad, que comprende cinco variables: nacionalidad por nacimiento, nacionalidad por paternidad, nacionalidad por naturalización, duración de la residencia y nacimiento en el Estado de México; ante esta última variable, no aplicará para este estudio, puesto que se trata un ámbito federal. Ahora bien, las dimensiones mencionadas aplicaron tanto para votantes como para candidatos, puesto que los segundos tienen que ser votantes antes de ser candidatos. El mismo autor propone al menos dos clasificaciones de las dimensiones mencionadas, por un lado, en cuanto a la cantidad de personas involucradas en las dimensiones, se distinguen tres dimensiones más relevantes (socioeconómica, de género y la etaria) y las otras cinco tienen un peso mucho menor en términos de amplitud demográfica. Por otro lado, se pueden clasificar de acuerdo a una valoración del grado de exclusión que implica cada dimensión, por tanto, las exclusiones socioeconómicas y las de género son las más discriminatorias, las exclusiones de morales y las judiciales, son más discutibles, las que dependen de motivos patrióticos y de incompatibilidades tienen rasgos discriminatorios más difusos, y las que tratan sobre la edad, estado civil e identidad, al parecer no se trata de discriminación sino de exclusión únicamente (Lizcano; 2011: 868).

PV-PRO. COMPLEX PROBLEMS OF A MODERN POLICY

preparación de la elección*, la jornada Electoral**, resultados y declaraciones de validez de las elecciones***, dictamen y declaraciones de validez de la elección y del presidente electo****.

El análisis histórico dio por resultados los siguientes. En cuanto a quiénes participaban en las elecciones y el grado de participación resultan tres periodos: de 1824 a 1836, de 1836 hasta 1847 y de 1847 a 1917, mismos que se pueden separar en los que votan y que son votados.

En cuanto a los tres periodos de votantes (quiénes votaban y los requisitos para poder votar).

El primero de 1824 a 1836 (integrado por la constitución de 1824) se evaluó como medianamente democrático, pues estaba previsto que funcionaran como votantes algunas autoridades tanto estatales como federales, y la participación del ciudadano no era muy clara, además, los requisitos para ser ciudadano no eran claros, entonces, dada su ambigüedad, se abría la posibilidad a que participara un segmento amplio de los varones.

El segundo periodo, 1836 a 1847 (integrado por los cuerpos constitucionales de 1836 y 1843) es el menos democrático debido a que,

* Al interior éste contempla otras fases como: catálogo de electores, basado en un censo general de población; elaboración de un padrón electoral (quienes pueden votar y tienen su credencial para votar); integración de las listas nominales de electores (relación de electores dividido por distrito y sección); presentación de precandidatos; precampaña de los precandidatos; entrega de informe a la unidad de fiscalización; registro de candidatos; campaña (90 días para el cargo ejecutivo); sorteo para mesas directivas y registro de representantes de partido. Sin embargo no todas éstas serán consideradas como tal pues muchas se han ido conformando a lo largo del tiempo.

** La subetapas de esta fase son: instalación de casilla; creación y firma del acta de la jornada electoral; votación secreta; firma de cierre en el acta; escrutinio y cómputo por casilla; elaboración del acta final de escrutinio y cómputo; clausura de casilla y remisión del expediente

*** La subetapas de esta fase son: recepción de expedientes; publicación de resultados preliminares de distrito; reunión de actas; cómputo de cada distrito y remisión al Secretario Ejecutivo del IFE

**** La subetapas de esta fase son: el Secretario Ejecutivo informa al Consejo General del IFE; dictamen.

PV-PRO. COMPLEX PROBLEMS OF A MODERN POLICY

por un lado, la elección la realizaban las autoridades tanto estatales como federales, y la participación ciudadana, en cuanto a la elección del ejecutivo quedaba en segundo plano. Los requisitos para acceder a la ciudadanía fueron los más discriminatorios de todo el periodo estudiado.

El tercer y último periodo, 1847 – 1917, es el más democrático y aglutina las legislaciones de 1847, 1857, 1901, 1911 y 1917. Este periodo tenía previsto elecciones indirectas, los votantes elegían a otros votantes (así en diversos grados, dependiendo de la legislación), por tanto, este aspecto de participación indirecta se evalúa positivamente, con la excepción de 1917, en la cual se planteaban elecciones directas. En este sentido, el hecho de que las elecciones sean de una forma u otra no se considera relevante en cuanto al grado de democracia, dado que en teoría, los ciudadanos estarían representados a través de la persona que eligieron. El otro gran avance detectado que permite calificar como democrática a la normatividad integrada en este periodo, se debe a la eliminación de los requisitos más discriminatorios para

acceder a la ciudadanía.

En los candidatos se estudiaron las variables *requisitos* y *atribuciones*. La evaluación distinguió los mismos tres periodos basándose en los requisitos extras a los de la ciudadanía.

El primer periodo “ambigüedad jurídica” (1824 a 1836), se caracteriza por una legislación poco clara. Tenía imprecisiones importantes que podían ser, o más democráticas o más autoritarias. Por tanto, concluir que el acceso al cargo ejecutivo era medianamente posible para los varones, según lo previsto en los requisitos. En cuanto a las atribuciones, el ejecutivo se mostraba con cierta fortaleza ante los otros poderes, pero no se imponía, por tanto en relación a esta variable, el ejercicio del poder se considera medianamente democrático.

El segundo periodo “el acceso restringido” (1836 a 1847), se distingue porque las leyes discriminaban a una mayor cantidad de personas (es el periodo de mayores restricciones de la historia del país), y los tres rubros principales en que se manifestaba tal discriminación era en lo social, económico y en el género. Es necesario manifestar que la

PV-PRO. COMPLEX PROBLEMS OF A MODERN POLICY

legislación de 1843 es la más compleja, puesto que en los requisitos extras a la ciudadanía para acceder al ejecutivo únicamente se enlistaban aquellos que no implican discriminación sino exclusión, ahora, este periodo es en cual tuvo menor fortaleza el ejecutivo, entonces, si no había requisitos discriminatorios para acceder a tal cargo, es porque no concentraba tanto poder, en cambio y como dato extra, la figura del vocal (cargo clave tanto en la elección del presidente, y en el manejo del dinero de los estados) debía percibir 1,200 pesos anuales, mientras que el candidato a presidente debía percibir 200 pesos anuales (exigido desde la ciudadanía). Entonces, específicamente este aspecto, en cuanto a los requisitos extras de la ciudadanía (la más discriminatoria), esta legislación de 1843 se evalúa como medianamente democrática.

El tercer periodo "la construcción del acceso libre" (1847 a 1917), es considerado como el más democrático (considerando solo estos tres periodos, pues en comparación con la actualidad ninguna sería considerada como tal,

simplemente el voto universal se dio hasta la mitad del siglo XX) porque los requisitos discriminaron a menos personas, dado que se eliminaron las restricciones socioeconómicas, más no las de género. El ejecutivo recuperó fortaleza a través de las atribuciones y por tanto se aprecia un equilibrio de poderes.

En cuanto al tipo de elección de cada legislación (directa, indirecta y de que grados), los procesos del siglo XIX fueron mayoritariamente indirectos. La normatividad de 1824 y en la de 1836 señala solo procesos donde la voluntad ciudadana estaba representada –en teoría- a través de los diputados, dado que la elección la realizaban las autoridades. En 1843, la elección fue indirecta en cuarto grado, y la participación ciudadana era más clara (no así el acceso a la ciudadanía). En 1847 las elecciones también eran indirectas, sin embargo se planteó como posibilidad la elección directa, regulada por unas leyes generales que no se crearon, entonces se mantuvo indirecta. Desde 1857 hasta 1917 se mantuvo indirecta en tercer grado, los y el proceso fue prácticamente el mismo. Por último, en 1917 se contemplaban elecciones

PV-PRO. COMPLEX PROBLEMS OF A MODERN POLICY

directas, sin embargo no se considera un asunto relevante en cuanto al grado de democracia, porque en teoría, en las elecciones indirectas, se elige a quien representará la voluntad de un conjunto de personas, por tanto, es igual de democrático. Ante esta idea se reitera que este planteamiento se basa en el funcionamiento ideal, ante el cual, la realidad suele diferir profundamente.

En cuanto al número y tipo de fases contempladas en las legislaciones para los procesos de elecciones federales, parte crucial de este trabajo se utilizaron tres variables: *actores que intervienen, forma de sufragar*, así como *claridad y detalle* de las normas en cuestión*. De estas tres variables, la primera y la tercera son las que nos permitieron evaluar los procesos en tanto a su grado de democracia en comparación con los demás tipos. La segunda, forma de sufragar, tuvo una función más bien descriptiva del tipo de proceso, pero no tiene injerencia en el grado de democracia. Para establecer la clasificación indicada, se

consideran fundamentales para determinar un mayor o menor grado de democracia: actores que intervienen y claridad y detalle de las normas. Determinar quién interviene en un proceso de elección es la base para la equidad de la contienda, pues en la medida en que la organización recaiga en una institución más plural (lo que implica más imparcial) y representativa de la población, como serían los poderes legislativos (federales o estatales), el proceso será más democrático; en el caso contrario, cuando en el proceso es determinante la actuación de una autoridad individual o con intereses muy parciales, como sería el titular del Ejecutivo, el proceso será menos democrático. Ahora bien, en la medida en que las normas de los procesos electorales sean más claras y detalladas, dificultarán la discrecionalidad, mientras que la ambigüedad y la falta de concreción la potencian. En síntesis, una elección organizada por autoridades plurales, así como con normas claras y detalladas, posibilitan que la democracia se haga realidad.

* La legislación contemplada para establecer los periodos mencionados fueron seis textos constitucionales (SCCM, 1824; CG, 1836; HJL, 1843; CEC, 1847; CEC, 1857; CDHCU, 1917) y cuatro leyes electorales también de corte federal (CF, 1857; CF, 1901; CF, 1911; CF, 1917).

PV-PRO. COMPLEX PROBLEMS OF A MODERN POLICY

Los tipos de proceso se aglutinaron para crear los siguientes periodos, que comparados solamente entre sí, sin considerar una comparación con la actualidad, se clasifican de la siguiente manera:

El primer tipo de proceso electoral, denominado "de la periferia al centro", aglutina los procesos diseñados en la Constitución de 1824 y en el Acta Constitutiva de Reformas de 1847. Este proceso se caracteriza por ser indirecto y se considera medianamente democrático. El nombre de este proceso deriva de la forma de elección, es decir, primero las autoridades estatales (legislatura) elegían a dos individuos, los resultados de cada estado se enviaban al Congreso, para que únicamente los diputados eligieran al presidente. Se tenía previsto que las legislaturas estatales eligieran a los candidatos, y en caso de empates el voto final lo tenía la Cámara de Diputados, por tanto, si se piensa en el principio de representación que dicta que los diputados son quienes representan a la población, entonces sería un ejemplo de un proceso de democracia representativa con elecciones indirectas. Desde esta perspectiva se evalúa como medianamente democrático debido a que,

en teoría, la voluntad ciudadana estaría representada a través de los diputados, sin embargo, la falta de detalle de la ley en aspectos como ¿de dónde salen los candidatos? Hace que no se califique como muy democrática.

El segundo tipo de proceso indirecto, denominado "del centro a la periferia" estuvo normado en las Leyes Constitucionales de 1836 y constituyen, el proceso menos democrático de todo el periodo abordado en este trabajo. En este tipo de proceso el voto iba, como su nombre lo indica, de las instituciones centrales hacia los departamentos. Primero, cada uno de los cuatro organismos (Ministros, Alta Corte de Justicia, Senadores y el Consejo) elegía una terna de individuos, después, los diputados elegían una terna de esos 12 candidatos y esa terna final era enviada a las juntas departamentales para que éstas eligieran a uno como Presidente de la República. Todas las autoridades eran colegiadas: Consejo, Ministros, Senado, Alta Corte de Justicia y Cámara de Diputados que, en teoría, las primeras cuatro autoridades velarían sólo por sus intereses, dado que se ocupan de asuntos muy particulares, asimismo, en

PV-PRO. COMPLEX PROBLEMS OF A MODERN POLICY

teoría, sólo la Cámara de Diputados representaría los intereses de la población. Ahora bien, este proceso iniciaba cuando los cuatro primeros organismos (Consejo, Ministros, Senado y Alta Corte de Justicia) elegían ternas (en total 12 individuos) para que la Cámara de Diputados eligiese una terna final, la cual era enviada a las Juntas Departamentales (Estados) para que éstas eligieran a un individuo como Presidente de la República, por tanto, dado que las primeras ternas eran electas por organismos parciales, la elección tanto de los diputados como la de las legislaturas estatales ya estaban condicionadas, puesto que sólo tenían pocas opciones de donde elegir. El argumento para evaluar esta legislación como la menos democrática se basa en que en la elección desde el principio está determinada, por tanto, la voluntad popular quedaba relegada.

El tercer tipo de proceso es denominado "de indirectas y partidos" es el que tiene más complicaciones, puesto que es indirecto en varios grados y fue descrito en normatividades de dos periodos distintos: 1843 a 1847 y 1857 a 1917. Este es el tipo de proceso más democrático que contemplaba elecciones indirectas, dado que se aclaró

de dónde debían salir los candidatos, y se incrementaron los candados para evitar el fraude, lo cual evidencia mayor claridad. Este proceso se divide en dos partes, la primera de 1843 a 1847 se caracteriza porque había elecciones primarias en las que participaban todos los ciudadanos (en páginas anteriores ya se mencionaron los problemas de la exclusión y la discriminación entre votantes y candidatos), luego se elegía entre ellos un elector primario, luego, por cada 20 electores se elegía un secundario, luego éstos formaban el Colegio Electoral del Departamento para elegir a los vocales, que podían ser de 7 a 11, y finalmente cada una de las asambleas departamentales (integradas por los vocales) elegía a una persona para ejecutivo, para posteriormente las Cámaras reunidas computaran los votos y nombraran el presidente. Si bien este proceso es muy indirecto, también es un ejemplo de democracia representativa, porque fueron inicialmente los ciudadanos quienes elegían a quienes iban a representarlos. La segunda parte (1857-1917) se considera igual de democrática que la mencionada en el párrafo anterior. Las fases del proceso eran prácticamente las

PV-PRO. COMPLEX PROBLEMS OF A MODERN POLICY

mismas con algunas diferencias, entre ellas el cambio de denominaciones de las instituciones, por ejemplo de juntas departamentales a estados, de *a s a m b l e a s* departamentales a juntas electorales de distrito, etcétera. El cambio de nombre no implicó un cambio en el tipo de proceso. Otra diferencia de esta segunda parte con la primera es que de la Ley Electoral de 1857 a la de 1901 sólo desapareció un elemento; la pregunta sobre cohecho o violencia, una situación muy curiosa, dado que desde la perspectiva actual tal cambio ameritaría sólo una reforma y no la publicación de una nueva ley. En cuanto a la de 1911 la diferencia principal radica en el reconocimiento de los partidos políticos como entidades participantes en el proceso electoral, por tanto hubo un avance en la equidad de la competencia. En el primer periodo se prescribieron las Bases Orgánicas de la República Mexicana de 1843, y en el segundo la Constitución de 1857, su Ley Orgánica Electoral, y las leyes electorales de 1901 y 1911. Este es el tipo de proceso más *d e m o c r á t i c o* que contemplaba elecciones indirectas, dado que se aclaró

de dónde debían salir los candidatos, y los candados para el fraude fueron más, lo cual evidencia mayor claridad.

El cuarto y último tipo de proceso denominado “de directas y partidos” fue el previsto en la Constitución de 1917, y se considera como el más democrático de los analizados, debido a que, por un lado la voluntad ciudadana se manifestaba directamente al elegir al ejecutivo, por otro lado ya se contemplaba la participación de los partidos políticos, lo cual implica una cierta organización y por último el detalle de la Ley Electoral, la cual tenía previstas muchas situaciones que pudiesen presentarse. El hecho que se trate del proceso más democrático en términos normativos, dejó abierta la puerta para que se celebrasen elecciones democráticas en la realidad pues en cuanto a la variable de quiénes intervienen, tenemos que los votantes eran directamente los ciudadanos varones, lo cual habla de la pluralidad del voto. Vinculado a la claridad tenemos que también se trataba de un proceso muy detallado, lo cual no daba pie a interpretaciones arbitrarias.

En relación con el sentido de las reformas que sufrieron

PV-PRO. COMPLEX PROBLEMS OF A MODERN POLICY

las leyes electorales durante su periodo de vigencia tenemos que éstas no fueron lineales, es decir, y apoyado en el argumento de Emmerich (2009), el primer intento de democratizar al país en 1824, lo considero un avance mediando, de ahí, el sentido de las primeras reformas (1836-1843) fue de más a menos democráticas. En cambio de 1857 en adelante el sentido fue más lineal o democratizador, hasta 1917, punto en el que termina esta investigación y se considera la legislación más democrática.

Ahora bien, la correspondencia de las leyes

electorales con el régimen político del que emanaron permiten concluir que los regímenes federalistas mexicanos expidieron las legislaciones más democráticas, mientras que los centralistas (1836-1843) expidieron las menos democráticas, salvo la excepción de 1843, que tuvo evaluaciones distintas, es decir, los votantes tuvieron los requisitos más discriminatorios de todo el periodo de estudio, los candidatos al ejecutivo tuvieron pocos requisitos extras y su proceso sí era democrático.

Bibliografía

- 1.CDHCU (Cámara de Diputados del Honorable Congreso de la Unión) (1917), Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos, México, *Diario Oficial de la Federación*, 5 de febrero, http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/constitucion-federal-de-1917-0/html/87ef9faf-db64-49fe-a6dc-208e8b198fc6_2.html#I_0_. Consultada en julio de 2010.
- 2.CEC (Congreso Extraordinario Constituyente) (1847), Acta Constitutiva y de Reformas, México, 21 de mayo, http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/acta-constitutiva-y-de-reformas-de-1847-0/html/28e0077c-e442-46d7-8a47-78f38ccec2f3_1.html#I_1_. Consultada en julio de 2010.
- 3.CEC (1857) Constitución Política de la República Mexicana, México, 12 de febrero, http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/constitucion-de-1857-0/html/4d7f73d0-8133-44a5-90b6-fff04b5dc144_1.html#I_1_. Consultada en julio de 2010.
- 4.CF (Congreso Federal) (1857), Ley Orgánica Electoral, 12 de febrero, en GARCÍA OROZCO, Antonio (comp.), *Legislación electoral mexicana. 1812-1977*, México, Gaceta Informativa de la Comisión Federal Electoral, 1978, pp. 153-165.
- 5.CF (1901), Ley Electoral, 18 de diciembre, en GARCÍA OROZCO, Antonio (comp.), *Legislación electoral mexicana. 1812-1977*, México, Gaceta Informativa de la Comisión Federal Electoral, 1978, pp. 205-215.
- 6.CF (1911), Ley Electoral, 19 de diciembre, en GARCÍA OROZCO, Antonio (comp.), *Legislación electoral mexicana. 1812-1977*, México, Gaceta Informativa de la Comisión Federal Electoral, 1978, pp. 216-239.

PV-PRO. COMPLEX PROBLEMS OF A MODERN POLICY

- 7.CF (1917), Ley Electoral, 6 de febrero, en GARCÍA OROZCO, Antonio (comp.), *Legislación electoral mexicana. 1812-1977*, México, Gaceta Informativa de la Comisión Federal Electoral, 1978, pp. 255-271.
- 8.CG (Congreso General) (1836), Leyes Constitucionales, 30 de diciembre, México, http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/leyes-constitucionales-de-1836--0/html/be052d0a-1d3f-443f-bdce-ee181f9f1d3a_1.html#l_1_. Consultada el 23 de julio de 2010.
- 9.Díaz, Lilia (2000), "El liberalismo militante", en *Historia General de México*, El Colegio de México, pp. 583-631.
- 10.Dieter, Nohlen (2006), *Diccionario de ciencia política*, México, Colegio de Veracruz / Porrúa, 2 tomos.
- 11.Emmerich, Gustavo Ernesto (2009) (coord.) *Situación de la democracia en México*, México, Universidad Autónoma Metropolitana, 136 pp.
- 12.HJL (Honorable Junta Legislativa) (1843), *Bases Orgánicas de la República Mexicana*, 14 de junio, México, http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/bases-organicas-de-la-republica-mexicana--0/html/a31518b3-8bc4-44e3-a612-a35280cd2bcb_1.html#l_1_. Consultada en julio del 2010.
- 13.Huerta Psihas, Elías (1993), "Campañas electorales, su costo y duración", en: *IFE, Foro para la Reforma Electoral. Memoria 1993*, México, IFE, pp. 61-66.
- 14.Lizcano Fernández, Francisco, Fernando Díaz Ortega, Rogerio Ramírez Gil (2011), "Votantes y candidatos en el Estado de México (siglos XIX y XX)", en Luis J. Molina Piñeiro, José Fernando Ojesto Martínez Porcayo, Ruperto Patiño Manffer (coords.), *Monitor democrático ¿Constitucionalizar democratiza! A 200 años de la independencia nacional y a 100 años de la revolución mexicana*, México, Porrúa, pp. 864-898.
- 15.Mendoza Velázquez, Enrique (2004), *La Lid Democrática: Reforma electoral 1917-2003*, México, Secretaría General de Gobierno del Estado de México, 224 pp.
- 16.Meyer, Lorenzo, (1996), "La crisis del presidencialismo mexicano. Recuperación espectacular y recaída estructural 1982-1996", en *Foro Internacional*, México, El Colegio de México, A.C., vol. XXXIV, núm. 1-2, enero-junio, 1996, pp. 11-30.
- 17.Reveles Vázquez, Francisco (2000), "La victoria de Vicente Fox y del Partido Acción Nacional en las elecciones del 2000", en: *Estudios Políticos*, México, UNAM-FCPyS, Núm. 24, mayo-agosto del 2000.
- 18.SCCM (Soberano Congreso Constituyente de México) (1824), *Constitución Federal de los Estados Unidos Mexicanos*, México, 4 de octubre, 1824, http://www.cervantesvirtual.com/servlet/SirveObras/79117288329793495200080/p0000001.htm#l_1. Consultada el 23 de julio de 2010.
- 19.Sordo Cedeño, Reynaldo (1993), *El congreso en la primera república centralista*, México, El Colegio de México / ITAM, 472 pp.
- 20.Ulloa, Berta (2000), "La lucha armada", en *Historia General de México*, México, El Colegio de México, pp. 757-817.
- 21.Vázquez, Josefina Zoraida (Coord.) (2007), *Interpretaciones del periodo de Reforma y Segundo Imperio*, México, Patria, 267 pp.

УДК 323.21(470)

Виктория Лезьер
Ассоциация «Центр культуры и познания», Франция

Духовность народа как стратегия безопасности России

В статье рассматривается тема русской духовности, как стратегии безопасности русской культуры и природы, сохранения здоровья нации, ее способности к социально-экономической эволюции, научному и нравственному развитию, конструирования ее будущего.

Ключевые слова: духовность, ментальность, информационная война, экосознание, любовь, милосердие

UDC 323.21 (470)

Victoria Lezyer

Association «Center of culture and cognition», France

Spirituality of the people as strategy of safety of Russia

In article the subject of the Russian spirituality as strategy of safety of the Russian culture and the nature, preservation of health of the nation, its ability to social and economic evolution, scientific and moral development, designing of its future is considered.

Keywords: spirituality, mentality, information war, ecoconsciousness, love, mercy

CDU 323.21 (470)

Victoria Leusiere

Asociación «El centro de la cultura y conocimiento», Francia

Espiritualidad del pueblo como estrategia de la seguridad de Rusia

En el artículo se analiza el tema de la espiritualidad rusa: como una estrategia de la seguridad de la cultura y de la naturaleza, la preservación de la salud de la nación, su capacidad para la evolución económica y social, el desarrollo científico y moral y la construcción de su futuro.

Palabras-clave. Espiritualidad, mentalidad, guerra de información, conciencia ecológica, amor, misericordia

События сложного, даже трагического 2014 года завершаются, мир готовится к встрече 2015 года. Каким он будет для России? Временем обновления и борьбы с невероятными трудностями - экономическими, социальными, экологическими, работы за создание новых, более благоприятных, условий жизни? Или, быть может, еще одним аккордом в затянувшейся драме неразрешимых противоречий, аккордом распадающегося целого российской цивилизации? Нет ничего более загадочного, чем этот вечный российский поиск равновесия перед ликом обновляющего мира, эта рискованная готовность все изменить или начать сначала. Какой еще народ способен на подобный кульбит: быть вечно вывернутым наизнанку и все-таки быть, демонстрировать предельную открытость миру и оставаться непредсказуемым? В этом удивительное проявление мощи и красоты России, ее сокровенной вольницы.

Эта мощь России сегодня подвергается опасности, поскольку западный мир, вступил в состояние агрессии, причем основой интеллектуальной агрессии одних стран против других являются финансовые и информационные войны. В условиях

противостояния цивилизаций Россия представляет для Запада особый интерес, поскольку у нас находится около 60-70% разведанных мировых запасов сырья. Еще в 1994 году президент США Б. Клинтон подписал документ, в котором было заявлено: «США весьма заинтересованы в беспрепятственном доступе к сырью за рубежом... Когда на карту могут быть поставлены жизненные интересы нации, применение нами силы будет решительным и, если это необходимо, односторонним» («Завтра», 1997, № 1). Социально-политический стратег З. Бжезинский в своей книге «Великая шахматная доска. Господство Америки и ее геостратегические императивы» сформулировал двойственную проблему американской политики вопросом: «Каким образом оказать поддержку демократическим преобразованиям в России ее экономическому восстановлению, и в то же время не допустить вновь возрождения евразийской империи, способной помешать американской геостратегической цели формирования более крупной евроатлантической системы, с которой в будущем Россия могла бы прочно и надежно связана?» (1)

В свете политических событий осени 2014 года, аме-

риканские конгрессмены приняли жесткую антироссийскую резолюцию. В ней они обещают Москве новые санкции, требуют от нее отказать от влияния на постсоветское пространство, и призывают президента Обаму поддержать их угрозы делом. В этом документе содержится целый ряд обвинений в адрес России, начиная от агрессии на Украине и заканчивая продажей оружия Башару Асаду. Даже по словам бывшего кандидата в президенты Рона Пола, принятый Конгрессом документ представляет собой «16 страниц военной пропаганды, которой постыдились бы даже консерваторы, если бы они знали сто такое стыд».

Итак, мир в состоянии информационной войны, причем информационное оружие страшно как раз своей бескровностью, когда человек незаметно, но постепенно и верно деградирует, по велению информаторов. Главный метод такой войны заключается в манипулировании сознанием людей и конструировании соответствующих алгоритмов их поведения, в итоге приводящих к саморазрушению всего общества. Важнейшим средством ее осуществления являются СМИ, в первую очередь телевидение, узурпированное узкой группой

ориентированных на Запад представителей московских политических и финансово-спекулятивных кругов. Используя новейшие достижения социальной психологии, ее современные возможности в мани-пулировании сознанием и поведением больших масс людей, российскому обществу навязываются выгодные геополитическим противникам решения. Важной составляющей деструктивной деятельности СМИ является широкая пропаганда «достижений» американской массовой культуры, и, прежде всего, среди молодежи. Целью является дискредитация идей социальной справедливости и патриотизма, т. е. без чего невозможно добиться высокого морально-психологического состояния личности в современном государстве.

Однако информационная война против России опасна, ибо ее цель – уничтожение самобытного русского языка, обычаев, традиций. Подчеркну, что именно ментальность, язык, вера – это основа национальной культуры и процветания народа. По мнению начальника аналитического управления бывшего КГБ СССР Н. Леонова, национальная безопасность любой страны определяется четырьмя составляющими. «Первая – тер-

ритория страны, четкое определение, в том числе и законодательное, ее границ. Второе – народ, в ней проживающий, и главное здесь – здоровье нации, ее способность к развитию – научному, нравственному, любому другому. Третья составляющая — наличие и состояние природных ресурсов и материальных ценностей государства. Четвертая — образ жизни народа, совокупность правовых норм и исторически сложившихся отношений между людьми и между людьми и государством» [2].

И здесь нам чрезвычайно важно вспомнить о духовных предпосылках культуры, которые являются движущими пружинами всякого культурного развития, о тех «идеях-силах», без наличия которых культура не только не может развиваться, но и существовать. Пути к новому осуществлению русской культуры, сохранению ее духовности, осмысливались еще в первой половине XX века.

«Освободив свое мышление и мироощущение от давящих его западных тор, — писал в 1922 году Н.С. Трубецкой, — мы должны внутри себя, в сокровищнице национальной русской духовной стихии, черпать элементы для создания нового мировоззрения. В этом духе мы должны воспитывать и под-

растающее поколение. В то же время вполне свободные от преклонения перед кумиром западной цивилизации, мы должны всемерно работать на создание самобытной национальной культуры, которая сама, вытекая из нового мировоззрения, в то же время обосновала бы собою это мировоззрение. В этой огромной всеобъемлющей работе есть дело для всех, не только для теоретиков, мыслителей, художников и ученых, но и для техников, специалистов и для рядового обывателя. Общим требованием, предъявляемым ко всем, является радикальный переворот в мировоззрении». [3, с. 314].

Духовность – это источник жизни, это сила, которая по своей значительности и ценности непосредственно воспринимается, как нечто несравнимо высшее, чем я сам. Когда человек достигает преображения, духовной просветленности, то ему открывается реальность, которая по своей очевидности, ошеломляющей силе красоты и мудрости так захватывает и потрясает человека, что любые эмпирические, повседневно-происходящие факты его существования, все радости и невзгоды повседневной жизни кажутся чем-то случайным, преходящим, временным. «Возмож-

ность духовного сущего «соприсутствовать» иному сущему – это изначальная способность, сущность духовного существования, духовной реальности», [4, с. 94–95]. – пишет В. Франкл, уточняя, что это «осознающее бытие», бытие, сознающее наличие иного сущего.

Исходный пункт и базовая идея русской духовности кажутся узнаваемыми по аналогии с Западом – о смысле бытия человека в мире. Однако в его русской интерпретации («человек раньше теории»), и гамлетовский вопрос «Быть или не быть?» обращен не столько вовне, сколько к внутреннему человеку, экзистенциальному «самостоянию», к «домостроительству» его души. Такое интравертное духовное бытие приемлет «быт», внешний мир, но однозначно выше последнего, усматривает в нем средство, но не самоцель. Зрелость русского духа выявляется в его способности не только восходить на метафизические вершины, но и сознать свое несовершенство и греховность. Парадоксален главный грех русского человека – доведение до абсолюта, и тем самым до абсурда его добродетелей. Широта русского человека, как продукт влияния необъятного российского жизненного пространства

и универсальных связей с миром различных культур, сфокусировалась в его самосознании как общечеловека.

Здесь важно обращаться к тем «рецептам», которые предлагали русские мыслители по спасению и обновлению русского архетипа зрелой личности. Г.П. Федотов видит возрождение России посредством одухотворения всего мира культуры. Для этого нужен глубокий переворот в самой культуре и ее понимании. «Культура должна быть понятна религиозно, или она будет растоптана тяжелым сапогом демагога, – пишет Федотов. – ... Воскрешение ее требует прежде всего воспитания духовной иерархии ценностей и потом уже социального воспитания и организации, ей соответствующих. «Ищите прежде всего Царства Божия...». (6, с. 418).

Эту потребность просветления, обожения русской души отечественные мыслители часто сопоставляли с ее религиозным самосознанием, перерастающим в веру «святости аскетического подвига» русского человека, богоизбранности русского народа, особой его мессианистской роли в мировой истории. Центральная антиномия русской идеи – одна из главных во всех «осевых» культурах – диалектика тела

и духа, сущего и должного, «дольного» и «горнего» миров. Краткая и специфическая формула ее решения – русская духовность. «Христианская духовность, – пишет Н.А. Бердяев, – отличается от внехристианской тем, что в ней всегда утверждается личность, свобода, любовь... В ней освобожденность и отрешенность от стихий мира соединяется с разделением судьбы мира, человечества и всей страдающей твари. Духовность должна преобразовать, а не подавлять страстную природу человека...» (7, с. 444–445).

С.С. Аверинцев выделял два типа духовности в рамках христианской культуры. Первая – это духовность, вызревшая в католическом мире, в ней ведущую роль играют идеи дисциплины, права и греха-вины, определяемые в юридических терминах. В России духовность опирается на эстетически-нравственный идеал любви и милосердия, при этом грех истолковывается не как вина, а как болезнь, случайное нарушение, поправимое через покаяние и духовное очищение, страдание. (8) Действительно, ощущение и постижение духовности в своем «я существую» – процесс сложный, многоаспектный. Возможность каждого человека родиться духовным

способом – то есть вместить дух в свою душу и свое тело, в свое существование, в свою жизнь, – осуществляется через совесть, неповторимую связь индивидуально-внутреннего и внешнего миров.

Духовность – данное человеку иное, как свое. Не обязательно эта связь должна быть отрефлексирована. Нечто должно быть пережито человеком как свое, укорениться в нем как свое, тогда рождается в душе духовность, наполненность смыслом, тогда духовность превращается в экзистенцию, совесть – в экзистенциал. Прозрение равносушного события через событие, через мой внутренний мир, приемлющий целиком мир другого; соединение с иным значащим, но через соприсутствие в моей душе – это духовность, открывающаяся в подлинной Любви.

В истории русской культуры была сформирована концепция любви – та, о которой говорят: «одохотворенная любовь». Такая любовь дает и излечивает; целиком принимает мир любимого человека; желает как можно больше добра тому, кого любит; высвобождает в человеке все самое благородное; чужда корысти или потребительства; спасает от угрозы духовно-душевного обнищания.

ния, ибо постоянно обновляет внутреннее богатство человека. В русской истории можно привести множество пример спасающей, милующей, преображающей любви.

Так, философ Л.П. Карсавин своей жизнью и своим творчеством доказывал, как велика личность человека, способная вместить Божью искру любви к людям, преодолевая своими деяниями, размышлениями, мечтами, тлен умирания. Выдающийся философ России 9 июля 1949 г. был арестован, приговор – 10 лет лагерей. В обвинительном заключении проявилась привычная кафкианская логика тоталитаризма: в вину философу было поставлено его евразийство, когда он больше всего защищал большевистский строй... Концлагерь Абезь, куда был доставлен узник, был не обычным, а инвалидным лагерем: во время пребывания в тюрьме у Карсавина открылся туберкулезный процесс. Вскоре среди заключенных распространилась молва о Карсавине как о христианском мудреце, духовном учителе. Люди, ищущие и думающие, приходили за беседой и просвещением. Слабеющий, снедаемый туберкулезом в последних стадиях, он никогда не отказывал, превратившись для многих в духовного

наставника. 20 июля 1952 года Карсавин скончался, оставив в пределах лагерной жизни произведения, ставшие квинтэссенцией его философии.

Кладбище, где похоронен Лев Платонович Карсавин, состоит из множества холмиков, на которых не написаны ничьи имена. Но прах Карсавина навеки хранит в себе памятник (герметически закрытый флакон из темного стекла, с запиской-эпитафией Карсавину от узников А.А. Ванеева и В. Шимкунаса), «стеклянная оболочка которого способна противостоять гниению и разложению, сохраняя написанные – не золотыми буквами на камне, а обычными чернилами на бумаге – слова свидетельства о человеке, останки которого захоронены в земле безымянной могилы...». (9)

Вот текст тайной эпитафии на смерть великого человека: «Лев Платонович Карсавин, историк и религиозный мыслитель. В 1882 г. родился в Петербурге. В 1952, находясь в заключении в режимном лагере, умер от милиарного туберкулеза. Л.П. Карсавин говорил и писал о Тройственно-едином Боге, который в непостижимости Своей открывает нам Себя, дабы мы через Христа познали в Творце рождающего

нас Отца. И о том, что Бог, любовью преодолевая Себя, с нами и в нас страдает нашими страданиями, дабы и мы были в Нем и в единстве Сына Божия обладали полнотой любви и свободы. И о том, что само несовершенство наше и бремя нашей судьбы мы должны опознать как абсолютную цель. Постигая же это, мы уже имеем часть в победе над смертью через смерть. Прощайте, дорогой учитель. Скорбь разлуки с Вами не вмещается в слова. Но и мы ожидаем свой час в надежде быть там, где скорбь преобразена в вечную радость». (9)

В «Поэме о смерти» А.П. Карсавин высказывал печальные мысли о пленении души телесностью, об умирании в человеке его «Я: «В самом деле, не есть ли тело лишь застывшая, умершая душа?...» (10, с. 241) Но на самом деле его духовность, любовь к людям и Богу преодолели преходящесть и конечность его собственной земной жизни, пролагая путь к Вечности, утверждая бессмертие.

Тема просветления человека силою божественной любви проходит через творчество русского писателя И.С. Шмелева, наиболее полно раскрываясь в эпопее «Солнце мертвых» – повест-

вовании о судьбе народа на переломе истории (20-е гг. XX века). Вся книга – размышление о причинах случившегося, рассказ о крестном ходе на Голгофу и о воскресении. В первой главе герой-повествователь сдал советским властям вместе с другими книгами и «маленькое Евангелие» и потому чувствует себя так, «словно и Его я предал». Бог на какое-то время ушел из сознания рассказчика, с детства привыкшего «отыскивать Солнце Правды». «Где ты, Неведомое?! – взывает повествователь. Хочу Безмерного – дыхание Его чую. Лица Твоего не вижу, Господи! Чую безмерность страдания и тоски... ужасом постигаю Зло, облекающееся плотью. Оно набирает силу. Слышу его зычный звериный рык».

Но к концу книги сознание героя меняется: «Коснулся души Господь, и убогие стены тесны. Я хочу быть под небом, – пусть не видно его за тучами. Ближе к Нему хочу... чую в ветре Его дыхание, во тьме – Его свет увидеть». Писатель нашел способ художественно убедительно показать, как произошла эта метаморфоза. В главе с характерным названием «Жива душа!» татарин приносит рассказчику подарок. «Не долг это, – подчеркивает автор, – а подарок». «Не та-

бак, не мука, не грушки, – восклицает автор, – Небо! Небо пришло из тьмы! Небо, о Господи! Старый татарин послал... татарин...» Знамательно, что христианин Шмелев сделал проводником Нагорной проповеди любви к людям мусульманина. Как перед этим, в главе «В глубокой балке», в унылом крике муэдзина услышал «измученный привет утру», а в шпиле мечети увидел христианскую свечу, утверждающую, что над всем «пребывает Великий Бог, и будет пребывать вечно, и все сущее – Его Воля...». И теперь, в бытовой сцене, автор вновь утверждает, что над людьми разных вер – одно Солнце любви как символ воскресения...

Любовь – это великая сила единения человека с человеком, которую В. Франкл определяет «как возможность сказать кому-то «Ты» и еще сказать ему «да» (4, с. 95). Любовь не знает никаких заранее заданных мерок, никаких шаблонов, и в этом смысле она «нелегальна» (Н. Бердяев). Она всегда единственна, уникальна, неповторима настолько, насколько неповторимы и единственны люди. Единственное общее в любви – направленность на конкретного индивида и «Я-Ты» как ее высшая ценность.

Итак, любовь – непосредственная форма обретения себя в Духе и мира; любовью спасается и человек, и мир, обнаруживая свою высокую меру индивидуальности и личности.

Другой важный показатель духовности – экосознание русского человека, по Розанову, обращено к его внутренней природе – его телесности, полу, семье. Человек входит в мир, сродняется с ним, но и мир входит в человека. Тело для него «начало духа», а дух есть запах тела; сама человеческая жизнь – это «дом. А дом должен быть тепел, удобен и кругл». (6, с. 418). Следовательно, В.В. Розанов гениально выразил русскую религию родовой плоти, религию размножения и уюта, где Мать – Земля = Россия. Не случайно, в эти дни, когда вокруг россиян растет напряжение неприятия, когда санкции, ложь, экономические трудности создают не только материальный урон семьям, но и порождают социальное напряжение, любовь, вера и доверие остаются главными ценностями. Как показал недавний социологический опрос ВЦИОМ, главными критериями счастья и благополучия для россиян остается наличие семьи и близких. Счастливыми людьми в Рос-

сии себя считают 76 % населения, а совершенно несчастными – лишь 3 %. При этом 12 % заявили, что у них «есть все, что нужно для счастья», передает израильский «Девятый канал». Результаты опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), показали, что 76 % россиян считают себя счастливыми людьми. 17 % опрошенных сказали, что скорее несчастны, и лишь 3 % граждан страны твердо заявили о своем несчастливом существовании. 7 % респондентов затруднились с ответом. Как отмечают авторы исследования, самыми счастливыми себя чувствует молодежь (88 % от 18 до 24 лет). Более скептически на жизнь смотрят люди пенсионного возраста (64 %) и малообразованные граждане (61 %). Самым главным критерием счастья для россиян является наличие семьи и близких (40 % респондентов назвали именно этот фактор). 14 % опрошенных основным показателем счастья считают хорошее здоровье, 12 % граждан страны счастливы, поскольку у них «есть все, что нужно для счастья». Для 3 % опрошенных людей счастье – это жизнь в мирное время, для 2 % – ощущение стабильности.

Сегодня общество, на

фоне происходящих вокруг и внутри России непростых перемен, сохраняет свое нравственное здоровье, ярким признаком которого является чувство юмора. Например, крутое пике рубля в российских СМИ и социальных сетях России встречено с большой долей иронии и юмора, пишет корреспондент британской Daily Telegraph. В основном посмеиваются над стремлением рубля упасть все ниже и ниже. Но не забыты и западные санкции, которые представлены в образе «Титаника», разбивающегося об айсберг в виде стилизованного Кремля.

Для осмысления падения национальной валюты – 40 % по отношению к доллару, 60 % по отношению к евро – россияне обращаются к юмору, пишет и московский корреспондент Daily Telegraph Том Парфитт. Вначале он перечисляет «признаки упадка». Рыбный ресторан Oyster Bar («Устричный бар») переименовался в No Oyster Bar, поскольку не может завезти еду из-за ответных санкций России, и «зарабатывает вполтину меньше прежнего, продавая пищу и бургеры». Компания Apple из-за падения рубля подняла цены на айфоны на 25 %, и по той же причине на 40 % подняли

расценки проститутки в Мурманске. Аналитики считают, что рубль рано или поздно стабилизируется, но россияне уже сейчас меняют свои планы на Новый год из-за отсутствия валюты, рассказывает автор.

Между тем в газетах, видеороликах и блогах рубль «спрыгивает, скатывается, падает или стремглав несется лишь в одном направлении – вниз». Часто российская валюта в образе однорублевой монеты находится в «смертельных объятиях» с баррелем нефти, который тоже падает, отмечает корреспондент британской газеты. О падении сообщают даже государственные СМИ, где рубль изображен летящим вниз на «американских горках», – что звучит довольно иронично с учетом того, что в экономических бедах Кремль винит Запад.

Итак, сила духа, терпение, милосердие, любовь к ближнему, чувство юмора и оптимистическое видение своего будущего – это рецепты того, как сохранить себя и свою культуру, как подняться над повседневностью и преодолеть тиранию обстоятельств. Это стратегия нашей безопасности в чуждости мира.

Здесь мы наблюдаем проявление общей законо-

мерности духовной жизни вообще, которую отмечал еще П.Я. Чаадаев. Он писал, что отрицать возможность достичь совершенства, то есть дойти до цели, значило бы просто сделать движение невозможным. При этом он утверждал: «Без слепой веры в отвлеченное совершенство невозможно шагу ступить на пути к совершенству, осуществляемому на деле. Только поверив в недостижимое благо, мы можем приблизиться к благу достижимому. Без этой светящейся точки, которая сияет впереди нас в отдалении, мы шагу не могли бы ступить среди глубокой окружающей нас тьмы. Всякий раз, когда этот блестящий светоч затмевался, приходилось останавливаться и выжидать его появления на беспросветном небосклоне. На пути, ведущем к абсолютному совершенству, расположены все те маленькие совершенства, на которые могут притязать люди». (11, С. 186) Важно лишь одно – чистота души и крепость веры. Вся жизнь святых есть пример следования по пути духовной чистоты, осуществления иной жизни в рамках земного бытия.

Духовность русской души означает постоянное напряжение всех сил «Я», жизнь в настоящем, жизнь сердцем,

для которого любая внешняя данность открывается в ее таинственной глубине и несказанности. Ингмар Бергман, кинорежиссер, метафорически высказывает существо той реальности, которая спасает любого человека от распада и бессмысленности, имя которой «Духовность»: «Каждый человек носит в себе надежды, страх, тоску, каждый человек в крике выплескивает свое отчаяние, одни молятся

определенному богу, другие кричат в пустоту. Это отчаяние, эта надежда, эта мечта об искуплении, все эти крики накапливаются тысячами и тысячами лет, все эти слезы, все эти жертвы, вся эта тоска сгущаются в необъятную тучу над высокой горой. Из тучи на гору льет дождь. Так образуются ручейки, ручьи и реки, так образуются глубокие источники, из которых ты можешь омыть свое лицо, в которых можешь остудить свои

Библиографический список

1. Бжезинский З. «Великая шахматная доска. Господство Америки и ее геостратегические императивы». – М., 1998.
2. Батушенко А. КГБ СССР позаимствовал у США концепцию безопасности России//Эксперт. – 1997. – № 13.
3. Трубецкой Н.С. На путях. – Берлин, 1922.
4. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М., 1990.
6. Федотов Г.П. Письма о русской культуре // Русская идея. – М., 1994.
7. Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // Бердяев Н.А. Диалектика божественного и человеческого. – М. 2003.
8. См.: Аверинцев С.С. Византия и Русь: два типа духовности // Новый мир. – 1988. – № 5–6.
9. Цит. по: Хоружий С.С. Жизнь и учение Льва Карсавина // Карсавин Л.П. Религиозно-философские сочинения. – Т. 1. – М., 1992. С. LXXII.
10. Карсавин Л.П. Религиозно-философские сочинения. – Т. 1. – М. Мысль.
11. Чаадаев П.Я. Статьи и письма. – М., 1989.
12. Бергман о Бергмане. – М. 1985.

УДК 327.3 –055.2(470.51/.58)

Мирошниченко М.И.
Южно-Уральский государственный университет

**Государственное принуждение в женском
движении** (по материалам Урала: 1920-е гг. –
первая половина 1930-х гг.)

В статье на примере Урала показаны основные формы государственного принуждения, применявшиеся в целях контроля над развитием женского движения в советский период истории России в 1920-е гг. – первой половине 1930-х гг. Охарактеризовано состояние женского движения в начале 1920-х гг. Автор показал, что, начиная с 1917 г., наблюдалась устойчивая тенденция к сокращению дискурсов женского движения: сначала к концу Гражданской войны прекратили своё существование дворянские дамские благотворительные организации. Формирование «диктатуры партии» по мере постепенного изъятия функций административного и хозяйственного руководства у Советов и подчинение центральной власти ЦК РКП(б) позволило придать партийным решениям силу государственного принуждения, применить к небольшевистским женским организациям (союзам солдаток, союзам «Иглы», женским кружкам эсеров, сестричествам), которые были закрыты, жестокое насилие. Охарактеризован процесс ликвидации в условиях становления тоталитаризма специальных большевистских женских организаций (женотделов) и особых форм работы среди женщин – делегатских собраний. Показано, что опыт просветительных культурнических организаций начала XX в. в новых исторических условиях не был востребован.

Ключевые слова: насилие, мягкое насилие, жестокое насилие, государственное принуждение, женское движение, отдел по работе среди женщин

UDC 327.3 –055.2(470.51/.58)

Miroshnichenko M.I.
South Ural State University

State enforcement in the women's movement

(based on the Urals:

the 1920s – the first half of the 1930s)

In the article on the example of the Urals shows the basic form of government coercion were used in order to control the development of the women's movement in the Soviet period of Russian history in the 1920s – the first half of the 1930s. Describe the state of the women's movement in the early 1920s. The author shows that, since 1917, has been a steady downward trend in the discourses of women's movement: first, by the end of the Civil War, ceased to exist noble ladies charities. Formation of the "dictatorship of the Party" with the gradual withdrawal of the administrative functions and economic leadership of the Soviets and the subordination of the central authority of the Central Committee of the RCP(b) make it possible to force decisions of the party state coercion applied to non-Bolshevik women's organizations (soldiers' unions, unions of "Needles" female mugs of Socialist-Revolutionaries, sisterhoods), which were closed, rigid violence. Characterized by the process of elimination in the conditions of totalitarianism special Bolshevik women's organizations (department of work among women) and special forms of work among women – delegate meetings. It is shown that the experience of educational uplift organizations beginning of XX century. in the new historical conditions, not been claimed.

Keywords: violence, mild violence, harsh violence, government enforcement, the women's movement, department of work among women

CDU 327.3 –055.2(470.51/.58)

Miroshnichenko M. I.

Universidad Estatal de los Montes Urales Sur

La imposición estatal en el movimiento femenino
(basado en materiales de los Montes Urales
durante 1920 hasta la primera mitad de 1930)

Con base en materiales de los Montes Urales, el artículo analiza las formas de imposición estatal para controlar el desarrollo del movimiento de las mujeres en el periodo soviético de la historia rusa que abarca de 1920 a la primera mitad de 1930. Al caracterizar el movimiento femenino al inicio de los años veinte, la autora señala que desde 1917 se observa una tendencia a reducir los discursos del movimiento femenino y a finales de la Guerra Civil dejaron de existir las organizaciones filantrópicas de corte aristocrático. La formación de la "dictadura del partido", en la medida en que se apropió de las funciones administrativas y económicas de los Soviets y las sometió al poder del Comité Central de Partido Comunista (bolcheviques), permitió que éste impusiera a las organizaciones femeninas no bolcheviques una fuerza de coacción (uniones de esposas de soldados, uniones de "Aguja", círculos femeninos de los Socialistas Revolucionarios, hermandades) y que luego fueran clausuradas. La autora también analiza el proceso de liquidación de las organizaciones femeninas de los bolcheviques y las formas específicas del trabajo con las mujeres: las reuniones de las delegadas, por ejemplo; y muestra que las experiencias de las organizaciones culturales de principios del siglo XX se perdieron en las nuevas condiciones históricas.

Palabras claves. Violencia, violencia suave, violencia dura, coerción estatal, movimiento femenino, sección del trabajo con las mujeres.

Проблема насилия актуализирована в настоящее время целым рядом факторов. К ним в первую очередь относятся размах терроризма в мире, возрождение элементов фашизма, постоянное возникновение на планете новых «горячих точек», рост случаев неправомерного применения оружия и прецедентов вооруженных столкновений населения с властями в разных странах. Легитимное право государства на насилие, виды и формы насилия, выделенные по различным критериям, изучает Г. С. Табатадзе. По степени насилия он выделяет мягкое насилие (манипулирование поведением личности на основе должностования), жесткое насилие (ограничение деятельности, жизненных условий) и жестокое (лишение жизни, война, терроризм и т.п.) насилие [39, с. 114–115]. Понятие коллективного насилия, к сфере которого принадлежит государственное насилие, широко обсуждалось мировой общественностью в начале 2000-х гг. [24, с. 223]. Наблюдающееся в последние десятилетия в России усиление вертикали власти вызывает противоречивые отклики в общественной среде: одни связывают с

этим процессом надежды на укрепление законности, другие высказывают беспокойство по поводу судьбы демократических преобразований конца 1980-х – начала 1990-х гг. В настоящее время, когда вопросы патристического воспитания и роли государственного ресурса в его осуществлении в связи с обсуждением исток украинских событий 2013 г., вылившихся в Гражданскую войну в Украине, вновь привлекают внимание российской общественности, обращение к опыту манипулирования общественным сознанием в первые десятилетия советской власти позволит выявить рациональное зерно опыта воздействия на массы в целях определения с гуманистических позиций границ дозволенного и недозволенного, целесообразности возвращения к испытанным формам.

Разнообразные женские движения являются неотъемлемым признаком, атрибутом общественной жизни в современном мире. Судьба женского движения в России в советский период её истории была определена исходом Гражданской войны и становлением тоталитарного общества.

Обширную историографию имеет институционализа-

ция женского буржуазного движения в 1900-е – 1910-е гг. Широко изучались обстоятельства возникновения и деятельность «Всероссийского союза равноправия женщин» (1905–1907 гг.) и организация им I-го Всероссийского съезда женщин в мае 1905 г. и II-го Всероссийского съезда женщин в октябре 1907 г.; создание в 1906 г. Женской прогрессивной партии и её работы (она действовала до 1918 г.), история «Российской лиги равноправия женщин», усилиями которой был проведён в декабре 1912 г. I-й Всероссийский съезд по образованию женщин, история «Русского женского взаимоблаготворительного общества», создавшего после большой подготовительной работы I-й Всероссийский женский съезд с участием более 1 тыс. делегатов и ставшего центром либерального женского движения в России [32; 4; 7; 33; 42]. Работа женотделов и делегатских собраний также стала объектом обширного исследовательского интереса, как в историко-партийном, так и в гендерном и социокультурном дискурсах [См.: 3; 12; 21; 22; 38]. Привлекает в последнее время исследова-

телей и проблема насилия как в традиционных аспектах – домашнее насилие [13, 28, 35] и другие виды насилия над женщинами в различных ситуациях, так и насилие со стороны женщин, в частности, в ходе Гражданской войны [23, 34, 40], в том числе в русле исследований о красном и белом терроре. Среди последних – известный труд С. П. Мельгунова [19] и ряд других публикаций [2; 14; 37].

Однако проблемы проявления свободы личности участниц советского женского движения, манипулирования поведением женщин в 1920-х – начале 1930-х гг., спектр и судьба меньшевистских течений женского движения в Советской России и в СССР, взаимоотношения разнотипных женских организаций с новой властью до сих пор остаются малоизученными.

Чрезвычайно привлекательны были выдвинутые В. И. Лениным основные лозунги для женщин: «Не может быть, нет и не будет настоящей “свободы”, пока нет свободы для женщины от привилегий в законе в пользу мужчины» [17, с. 286]; «Пролетариат не может добиться полной свободы, не завоёвывая полной свободы для женщин» [18, с.

158]. Отделив церковь от государства (семейное право входило в сферу юрисдикции церковного права), уничтожив полностью старый бракоразводный процесс, советская власть уничтожила разницу в положении брачного и внебрачного ребенка [16, с. 185].

Политические процессы, происходившие в первоначально пятипартийной политической системе советского общества с весны 1918 г. – начала 1919 г., характеризовались постепенным изъятием функций административного и хозяйственного руководства у Советов и сосредоточение их в ведомствах, непосредственное подчинение центральной власти главному партийному органу – ЦК РКП(б) с его постоянными рабочими органами Политбюро и Оргбюро. Это *de facto* (фактически, на деле) означало отказ от советской формы организации государственного управления и формирование централизованного аппарата власти по партийным каналам, установление «диктатуры партии». В таких условиях постановления партийных органов принимали силу закона и превалировали над постановлениями советских и других органов,

что позволяло партийным комитетам РКП(б) различного уровня принимать решения, обеспечивавшие материальную поддержку за счёт государственных ресурсов. Так, в октябре 1922 г. представители многих волостных комитетов Екатеринбургской губернии под давлением совещания секретарей волкомов стали брать постоянных работников для работы среди женщин с оплатой их работы из собственных средств, которые они получали по договоренности с местными хозяйственными органами, совхозами, артелями и т.д. [45, л. 51].

Способность наладить коллективную работу, инициативность, харизматичность, дар убеждения, ненависть к эксплуататорам, к классовому врагу, преданность большевизму, – вот те качества, которые были поставлены во главу иерархии ценностей гендерной составляющей культурных смыслов, превращались в 1920-е гг. в статусные гендерные характеристики и насаждались с использованием ресурсов государственной власти. Таким ресурсом выступало, в первую очередь, государственное финансирование, делавшее

возможным внедрение практики оплачиваемых перерывов для слушания лекций в рабочее время, оплаты участия в женских районных и губернских конференциях в зачет рабочего времени, натуральной оплаты за участие в субботниках и т.п. Так, в начале 1920-х гг. в Пермской губернии во всех городах и фабрично-заводских центрах 8 Марта организовывались демонстрации работниц с участием всех партийных и профсоюзных организаций. Работницы всех предприятий 8 марта освобождались от работы на 2 часа раньше, причем оплата за эти два часа сохранялась; эта оплата по решению делегатских собраний женщин переводилась в фонд охраны материнства и младенчества [30, л. 19]. Институт практиканства делегатов, созданный в кооперации, предполагал освобождение части делегатов, по рекомендации женотделов, на 6 месяцев от основной работы (с сохранением средней заработной платы) и переход делегатки-практикантки полностью на работу в губернские, районные или местные органы кооперации, где они под руководством инструкторов изуча-

ли структуру кооперативных органов, нормативно-правовые акты, регламентирующие её работу, и впоследствии либо оставались на работе в кооперативных органах, либо направлялись на учёбу [12, с. 66].

В мае 1930 г. Совнаркомом был утвержден Пятилетний план использования женского труда. Гибкая система льгот, мотивировавшая поведение женщин, предполагала охват общественным питанием и воспитанием (яслями и дошкольными учреждениями) в первую очередь семей работниц и женщин, вовлекаемых в производство [10, с. 75].

Активно использовались такие источники власти, как стремление человека к большему, к лучшему, и ресурсы власти, связанные с убеждением, интересами и страхом.

Большую роль играло квотирование. Еще до Октябрьской революции 1917 г., продумывая вопрос о представительстве женщин, В.И. Ленин называл примерную квоту для женщин в 1/3 состава участвующих [См.: 15, с. 314]. Квоты устанавливались также при выборах в сельские советы, при формировании контингента слушате-

лей совпартшкол, при направлении слушателей на рабочие факультеты и т.п.). К примеру, на I-м Областном совещании работников среди национальных меньшинств, которое состоялось 17–20 декабря 1927 г. в Свердловске, в результате обсуждения вопросов о проведении революционной законности и судостроительства среди национальных меньшинств Уральской области в соответствующей резолюции были установлены не только квоты представителей от татар, башкир, коми-пермяков, зырян, нагайбаков, вотяков, марийцев и бухарцев (в 5,7% от общего количества народных заседателей), но и квоты женского представительства среди них. Женщины должны были составлять почти четверть (22%) от общего количества народных заседателей нерусских национальностей [26, с. 12]. С 1927 г. на Урале работали специальные комиссии по выдвижению женщин на общественную (профсоюзную) и административно-хозяйственную работу [См. подробнее: 9, с. 43–46]. В 1930 г. ЦК ВКП(б) обязал соответствующие организации обеспечить прием 35-40% девушек в учебные заведения, готовившие

специалистов по сельскому хозяйству [11, с. 244–245].

Однако при этом развитие советского женского движения на протяжении 1920-х гг. в целом сопровождалось нарастанием мягких форм насилия. Во-первых, строго следили за тем, чтобы женская работа велась под контролем местных партийных организаций. В 1920 г. в Екатеринбурге возникли интересные прецеденты: в отчетных документах, направляемых в ЦК РКП(б) с осуждением отмечалось, что Отдел работниц Екатеринбурга превратился в обособленную организацию, которая независимо от исполкома вела всю советскую работу вплоть до юридической, а Челябинским губернским комитетом РКП(б) в июле 1920 г. отмечалось наличие в уездах Челябинской губернии «чуть ли не женских коммунистических организаций» [41, с. 41]. Во-вторых, членство в РКП(б)-ВКП(б), делегатский статус влекли за собой огромный шлейф обязанностей. В Челябинской губернии, к примеру, всем ячейкам РКП(б) с 1919 г. было вменено в обязанность устраивать субботники каждую неделю, все члены партии должны были являться на субботники [6, с.

58]. Делегатки и коммунистки должны были – и первыми – участвовать и в других общественных работах. Так, на общем собрании женщин при заводе Магnezит Саткинской волости 20 апреля 1921 г. докладчик Рачев поднял вопрос об участии женщин в сплаве дров, он говорил, «что надо идти сознательно, а не ждать, когда всех будут гнать палкой» [27, л. 22]. Идея «поголовной общественной активности» была успешно внедрена в умы части слоя молодёжи. Показательно в этом отношении выступление комсомолки Кулешовой из Нижнего Тагила в Свердловске 23 сентября 1935 г. на областном совещании женской молодёжи, посвящённом обсуждению решений ЦК ВКП(б) о работе среди женщин: «У нас на заводе девушек можно разделить на три группы: активные, средние и совершенно не участвующие в работе, занимающиеся своими делами... Как сделать, чтобы все девушки были активными» [44, л. 5].

Типичным в исследуемый период средством общественного воздействия, давления на сознание человека являлись общественные суды. Практика обще-

ственных судов была очень распространена. Они проводились в течение всего исследуемого периода. Устраивались суды над проститутками, над самогонщиками, над книгами писателей, изъятыми из библиотек по специальной инструкции Народного Комиссариата Просвещения (например, над книгами популярной до Октября 1917 г. детской писательницы Лидии Чарской), над болезнями и др. В декабре 1922 г. в г. Нижний Тагил состоялся агитационный суд («с моральным осуждением») над произведением М. Горького «Двадцать шесть и одна» [45, л. 94 об.]. В 1923 г. в Оренбургской губернии женотделом в качестве воспитательной меры для нерадивых делегатов проводилась инсценировка «Суд над делегаткой, не исполняющей свои обязанности» [38, с. 41]. В октябре 1930 г. в рамках проводимого профсоюзами месячника кооперации в Уральской области состоялись суды над «лжеударниками» и «летунами» [43, л. 225–226]. В отдельных случаях общественные суды могли существенным образом изменить судьбу человека. В 1931 г. учительница обще-
ствоведения школы-

семилетки ФЗС № 3 г. Тюмени З. С. Савинова на одном из заседаний районного комитета профсоюза работников просвещения выступила против навязывания антирелигиозного обучения и воспитания в школах. Выпускница Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена, она считала, что замалчивание вопросов религии, её исторических корней не соответствует идее всестороннего развития личности учащихся. Заведующим городского отдела народного образования в Доме работников просвещения 1 марта 1931 г. было организовано заседание общественного суда с разбором этого выступления. Позиция З. С. Савиновой, в вину которой ставилась «вредительская» позиция в деле подготовки кадров и воспитания молодежи, была оценена как «савиновщина». И хотя суд, который вынес определение: «Считать недопустимым дальнейшее пребывание лиц вроде Савиновой и ей подобных на работе в учебно-воспитательных учреждениях и требовать немедленного исключения ее из профсоюза», – имел общественный характер, через 3 дня Тюменский гор-

ком ВКП(б) принял секретное постановление «О проведении общественного суда над З. С. Савиновой», в котором признавалась «антисоветская сущность савиновщины». Молодой двадцатипятилетний педагог – и завуч школы – была уволена «за оппортунизм в системе просвещения» [46, с. 173].

Известно, что 1932 г. в истории СССР стал «водоразделом», рубежной датой в деятельности свободных общественных организаций творческой интеллигенции. Какова же была судьба женских организаций в первые пятнадцать лет Советской власти? Как они развивались в неоднозначных условиях, с одной стороны, при расширении свободы женщин, сферы их частной жизни (при отмене в 1917 г. церковного брака и введении гражданского, после введения свободы аборта в 1920 г., в условиях развертывавшейся кампании вовлечения женщин в ранее традиционно мужские сферы деятельности – в управление государством, в том числе привлечение их к работе в должности судей, прокуроров и т.п.), а с другой, в условиях роста государственного насилия с начала 1920-х гг.,

связанного с процессом постепенного изъятия ведомственных функций у государственных учреждений и перехвата их партийными организациями, тем, что уже в 1920-е гг. стало определяться как установление «диктатуры партии»? Как и в каких формах проявлялась сила государственного принуждения, и когда она перешла ту грань, за которой репрессии и другие государственные меры квалифицируются как нарушение прав человека со стороны государства и переходят в государственное насилие?

В основе российского женского движения, зародившегося в XIX в. и прошедшего путь от дворянских благотворительных организаций – таких, как «Дамское попечительство о бедных», имевшее региональные отделения по всей России (Пермское отделение было открыто на Урале в 1962 г.) и «Общества русских дам» (было организовано во Львове в 1878 г.) – до демократически ориентированных, но также благотворительно направленных обществ («Общество вспомоществования гувернанток, домашних учительниц и воспитательниц» (в Москве), «Общество рус-

ских женщин» (с 1894 или 1896 г. по 1910 г.), «Общество улучшения участи женщин»).

Идеи либерализма распространялись и в мусульманской среде. Их носителями выступали женщины-сторонницы европейского метода образования. Так Марьям Тимирбулатовна Султанова (? – 1928 г.), дочь крупного симбирского фабриканта Т. К. Акчурина, стала одной из учредительниц и председателем основанного в Уфе в 1904 г. благотворительного «Уфимского мусульманского дамского общества» [5, с. 263]. Создание «Всемирного союза католических женских организаций» в 1910 г. свидетельствовало о том, что события в Российской империи развивались в русле общемировой тенденции.

Активизация международного женского движения, имевшая отклик в России, наблюдалась в начале XX в. В 1904 г. был создан «Международный альянс за избирательные права женщин» – международная организация суфражисток (сторонниц предоставления женщинам избирательных прав). В 1907 г. в Штутгарте созывалась I-я международная конференция

женщин-социалисток, позже был организован «Международный женский секретариат». II-я международная конференция женщин-социалисток прошла в Копенгагене в 1910 г.

РСДРП(б) традиционно отвергала идею особых женских организаций. После прихода к власти большевикам, столкнувшимся с относительно широкой сетью различных организаций женщин, подконтрольных другим политическим силам. В условиях конкуренции в борьбе за влияние на «женские массы» им пришлось пересмотреть свои взгляды в этом вопросе. Уже в ноябре 1918 г. трём предыдущим женским съездам был противопоставлен I-й Всероссийский съезд работниц и крестьянок в Москве. Женские большевистские организации претерпели в своей эволюции ряд видоизменений: комиссии по пропаганде и агитации среди женщин, созданные в ноябре 1918 г., в сентябре 1919 г. были преобразованы в отделы партийных комитетов по работе среди женщин (это и были знаменитые женотделы), просуществовавшие до января 1930 г.

С началом Гражданской войны прекратили своё су-

ществование дворянские дамские благотворительные общества. Затем на фоне активного роста большевистских отделов по работе среди женщин при партийных комитетах с особыми формами работы (делегатскими собраниями) стали закрываться не большевистские женские организации (союзы солдат, союзы «Иглы», женские кружки эсеров и др.).

В 1927 г. в Уральской области возникли «сестричества». Это были православные женские организации, в которые могли входить лишь полноправные члены церковной общины. Сестричества ставили своей задачей «содействие друг другу в духовном возрастании через христианское просвещение, добрую жизнь и дела благотворения», заботы о «благолепии» храма (пение и чтение, участие в крестных ходах), поддержание чистоты в храме и украшение его к праздникам; заботы о храмовом имуществе (поддержание в порядке и целостности ризницы, утвари и т.д.). Они находились под непосредственным руководством настоятеля храма и осуществляли свою деятельность по решениям собраний сестрич-

ного совета (которые согласовывались с приходско-общинным советом храма), а также по решению общих собраний прихожан. Совет сестричества во главе с председательницей состоял из 6 человек. В рамках сестричеств выделялись алтарная, ризничная, цветочная секции и другие группы (секции) [20, с. 10].

Первое на Урале «сестричество» было открыто при церковном совете в Екатерининском соборе в г. Свердловске. Его образовали 28 женщин и девушек в возрасте от 18 до 60 лет. Своей покровительницей они считали святую равноапостольскую Марию Магдалину, в честь которой дважды в год праздновали «сестричный праздник». Первый раз – в неделю «жён мироносиц», то есть в третье воскресенье после Пасхи (или на пятнадцатый день, начиная с Пасхи) и второй раз 22 июля – память Марии Магдалины. К празднику Святой Пасхи члены сестричества украшали храм пихтой, цветами и проч. В первый день праздника сестричеством устраивалось скромное разговение беднякам прихода и посылались пасхальные приношения «в темницах заключенным» [20, с. 10].

Сестричества на Урале, просуществовавшие до начала 1930 г., новая власть рассматривала как церковные женотделы, создававшиеся для привлечения женщин. Закрытие храмов привело к ликвидации сестричеств. В частности, Екатерининский собор в Свердловске был закрыт по решению Президиума Свердловского городского совета 15 февраля 1930 г. на основании ходатайства от имени 37 тыс. трудящихся города. Председатель горсовета А. Н. Бычкова, под руководством которой было принято это решение, возглавила также и комиссию по закрытию церквей, которая 5 апреля 1930 г. приняла решение о сломе церкви [31].

К концу 1920-х гг. подобная судьба ждала и большевистские женотделы. Казалось бы, что внимание к проблемам женщин углубляется. Постановлением Президиума ВЦИК от 20 сентября 1926 г. создавалась Комиссия по улучшению труда и быта женщин при Президиуме ВЦИК. На местах создавались подобные местные комиссии. Однако после выступления Генерального секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина на заседании Оргбюро ЦК ВКП

(б) 30 декабря 1929 г. с иезуитской формулировкой «Ввиду того, что работа среди женщин приобретает в нынешний период важнейшее значение, она должна вестись всеми отделами ЦК, а в специфическом виде должна продолжаться главным образом под углом зрения успешного осуществления тех массовых кампаний, которые партия организует в городе и в деревне» [36, с. 71] женотделы были ликвидированы. События 1930 г. в советском женском движении, традиционно рассматриваемые как «перестройка партийно-политической деятельности среди работниц и крестьянок в условиях массового вовлечения тысяч женщин в социалистическое строительство» [1, с. 57], реально, в условиях свободы мысли, плюрализма мнений, дискурсивности получают совсем иную оценку. Со складыванием сталинизма с 1929 г. контроль и самостоятельность женских организаций становились излишни. Комиссия по улучшению труда и быта женщин при Президиуме ВЦИК также была закрыта 10 июля 1930 г.

Буферным приёмом, смягчавшим выглядевший в

глазах современников всё-таки странноватым переход от долголетней массовой пропаганды женской активности к почти полному от неё отказу, стало создание после роспуска женотделов и комиссий по улучшению труда и быта женщин новых организационных форм. Вместо женотделов были учреждены женские сектора отделов агитации и массовых кампаний партийных комитетов, просуществовавшие до 1933 г. включительно. Причём для деревенских партийных ячеек формирования женских секторов не предусматривалось, там выделялись только организаторы по работе среди женщин (женорганизаторы). Должность женорганизатора-помощника начальника политотдела при машинно-тракторных станциях и совхозах была введена (одновременно с созданием самих политотделов) летом 1933 г. [11. С. 245].

С 30 мая 1930 г. Комиссия по улучшению труда и быта женщин при Президиуме ВЦИКа была преобразована в Комитет по улучшению труда и быта работниц и крестьянок при Президиуме ВЦИК. И хотя состав Комитета был значительно расширен: в него

были включены представители народных комиссариатов здравоохранения, просвещения, социального обеспечения, труда, земледелия, юстиции, а также Рабочее-Крестьянской Инспекции, ВСНХ, Госплана, ВЦСПС, Детской комиссии ВЦИКа, Женского сектора ЦК ВКП(б), Коммунистической Академии, Моссовета, Центросоюза и Колхозцентра, он действовал лишь до 10 июля 1932 г. На местах были созданы одноименные комитеты при президиумах ЦИКов автономных советских социалистических республик, краевых, областных и районных исполнительных комитетах советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов [11].

Одновременно, акцентируя деятельность женщин на болевых точках повседневной жизни, быта, то есть на микроуровневые проблемы, И. В. Сталин совершил умелый маневр по отвлечению внимания женских активисток от обсуждения в рамках регулярно собираемых делегатских собраний основных острых макроуровневых социально-экономических и политических процессов. Ведь с конца 1920-х гг. в сферу первоочередных проблем

попадали «перегибы» в процессе насильственной коллективизации, целесообразность и формы организации, темпы и условия массовых выселений в рамках политики ликвидации кулачества как класса; тяжёлые условия жизни, многочисленность жертв при массовом использовании труда заключённых и ссыльнопереселенцев в ходе социалистической индустриализации, проведенной в виде «скачка» с последующим спадом; справедливость обвинений, предъявляемых «врагам народа» по «Закону “о трёх колосках”» и проч. Отметим, что именно к общим вопросам внутренней и внешней политики традиционно была обращена ранее агитация и пропаганда на делегатских собраниях в рамках советского женского движения.

Делегатские собрания как форма работы пока оставались, но, по решению ЦК ВКП(б) после XVI съезда ВКП(б), с 1932 г. их работа определялась «задачами и планами партийных ячеек» [25, с. 384]. 1933–1934 гг. – последние годы существования делегатских собраний. В это время делегатские собрания состояли из работниц,

пришедших на предприятия в 1931 г. [1, с. 58–59].

С 10 июля 1932 г. вновь были образованы сектора по работе среди женщин, но уже в составе организационных отделов президиумов ВЦИКа и ЦИКов АССР, краевых, областных и районных исполнительных комитетов советов [11]. Перестройка структуры партийных органов и советского аппарата, работа которого в 1934 г. по решению XVII съезда ВКП(б) (26 января – 10 февраля 1934 г.) вместо функционального признака стала основываться на производственно-территориальном, означала отказ от специфических форм работы среди женщин [29]. Женсектор ЦК ВКП(б) и женсектора отделов агитации и массовых кампаний (как и сами отделы) были ликвидированы.

И хотя на советской почве в середине 1930-х гг. ещё возникали оригинальные инициаторские новации, такие как движение жён-общественниц в августе 1934 г. с его советами жён ИТР, длившееся до 1941 г. [8; 12, с. 153–154] или виноградовское движение (стахановское движение многостаночниц в текстильной промышленности с 12 сентября 1935 г.), они не

имели того масштаба и той степени государственной поддержки, как женотделы или делегатское движение. Общей картины не изменило и введение в аппарате ЦК ВЛКСМ, а также в Московском и Ленинградском обкомах комсомола по решению ЦК ВКП(б) после рассмотрения вопроса о работе комсомола с девушками должности секретаря по работе среди женской молодёжи для руководства работой областных и районных комсомольских организаций среди девушек.

Таким образом, начиная с 1917 г., наблюдалась устойчивая тенденция к сокращению дискурсов женского движения; выполнявшие свою основную функцию (поиск женщин-организаторов и внедрение в общественное сознание большевистских идеологем) и подготовившие почву для активного вовлечения женщин в общественное производство отделы по работе среди женщин при партийных комитетах за ненадобностью в условиях становления тоталитаризма и проведения сплошной коллективизации в январе 1930 г., были закрыты. Опыт просветительных культурно-просветительных организаций начала

XX в., в которых в 1906–1910 гг. женщины-«интеллигентки» принимали активное участие (например, «Сетлмента»), в новых исторических условиях оказался не

востребованным. Символично, что в конце 1950-х – начале 1960-х гг. в условиях «оттепели» женсоветы на предприятиях и учреждениях начали возрождаться, но

Библиографический список

1. Бобкова Р. А. Партийное руководство массово-политической работой среди женщин Урала в 1933–1934 годах // Труды Магнитогорского государственного горного ун-та. – Сб. 79. – Вып. 268. – Магнитогорск: МГГУ, 1976. – С. 56–68.
2. Грейг О. И. Революция полов или тайная миссия Клары Цеткин. – М.: Алгоритм, 2008. – 368 с.
3. Григорьева Г. Н. Советская власть и женское движение в СССР в 20-е гг. XX в.: дис. ...канд. ист. наук. – М., 2004. – 175 с.
4. Долидович О. М. Женское движение в Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ...канд. ист. наук. – Красноярск, 2006. – 288 с.
5. Женское движение в Башкортостане. 1900–1941 гг.: Сборник документов и материалов / сост.: Р. Н. Сулейманова, Ш. Н. Исянгулов, Г. Ю. Султангузина / отв. ред. Р. Н. Сулейманова. – Уфа: Гилем, 2008. – 272 с.
6. Информация Челябинского губернского организационного бюро РКП(б) о партийной работе на Челябинских угольных копях // Челябинская губерния в период военного коммунизма (июль 1919 – декабрь 1920 гг.): сборник документов / ред.-сост. С.Н. Корнеев. – Челябинск: Чел. кн. изд-во, 1960. – С. 58–59.
7. Карченкова Т. А. Женский вопрос в российской публицистике второй половины XIX века: автореф. ...дис. канд. ист. наук. – Омск, 2004. – 22 с.
8. Кашкина И. В. Движение жен-общественниц, 1934–1941 гг.: автореф. дис. ...канд. ист. наук. – М.: МГУ, 1987. – 24 с.
9. Ключников В. С. Роль профсоюзов в социалистической индустриализации Урала // Октябрь на Урале: история и современность: индустриальное развитие Урала и борьба за ускорение научно-технического прогресса (Информационные материалы). – Свердловск: УрО АН СССР, 1988. – С. 43–46.
10. Коваленко А. И. Разработка партией ленинских идей о вовлечении женщин в социалистическое строительство // Труды Челябинского института механизации и электрификации сельского хозяйства. – Вып. 70: Вопросы истории, эко-

- номики и философии. – Т. IV. – Челябинск: ЧИМЭСХ, 1972. – С. 72–86.
11. Комитет по улучшению труда и быта работниц и крестьянок при Президиуме ВЦИКа // Законодательство СССР. Высшие органы государственной власти и государственного управления (1917–1967 гг.). Справочник (По материалам государственных архивов). URL: <http://www.worklib.ru/laws/ussr/10010564.php> (дата обращения 15 июня 2014 г.).
12. Костенко Ю. А. Женское движение в России в 1920–1930-е гг.: дис. ...канд. ист. наук. – М., 2006. – 399 с.
13. Крадецкая С. В. «О самозащите женщин», или история одного домогательства // Женщины и мужчины и в контексте исторических перемен. Материалы Пятой Международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 4–7 октября 2012 г. Тверь. – М.: ИЭА РАН, 2012. – Т. 2. – С. 232–235.
14. «Красный террор» на востоке России в 1918–1922 гг. / сост. С. С. Балмасов. – М.: Посев, 2006. – 384 с.
15. Ленин В. И. Удержат ли большевики государственную власть? [1 октября 1917 г.] // Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 34. – С. 314.
16. Ленин В. И. Речь на I Всероссийском съезде работниц 19 ноября 1918 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 37. – С. 185.
17. Ленин В. И. Советская власть и положение женщины [6 ноября 1919 г.] // Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 39. – С. 285–286.
18. Ленин В. И. К женщинам-работницам [21 февраля 1920 г.] // Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 40. – С. 157–158.
19. Мельгунов С. П. Красный террор в России. 1918–1922. – М.: СП «РУССО», «S.P.», 1990. – 207 с.
20. Митрополит Сергей. К вопросу о положении женщины в церкви // Уральские церковные ведомости. – 1927. – № 3. – С. 10–11.
21. Мирошниченко М. И. Актуальность исследования сущности гендерной роли женщины в рамках развития женского движения на Урале в 1920-е гг.: первый опыт обзора советской историографии // Вестник Южно-Уральского государственного ун-та: Серия: Социально-гуманитарные науки. – № 6 (106). – Вып. 10. – Челябинск, 2008. – С. 16–24.
22. Мирошниченко М. И. Уральская историческая феминология раннего советского периода и гендерные исследования: значимость, уровень, задачи // Гендерные исследо-

вания в гуманитарных науках: VII научно-практическая Интернет-конференция с международным участием «Гендерные исследования в гуманитарных науках», 18 мая–18 июня 2011 г. / редкол. Г.В. Рокина и др. – Йошкар-Ола: Марийский государственный технический университет, 2011. – С. 162–171.

23.Московкин В. В. Противоборство политических сил на Урале и в Зауралье в период революций и гражданской войны: 1917–1921 гг.: дис. ...докт. ист. наук. – Тюмень, 2004. – 357 с.

24.Насилие и его влияние на здоровье: Доклад о ситуации в мире / под ред. Э. Г. Круга и др. / Пер. с англ. Л.В. Дубровиной, А. С. Первушиной. – М.: Изд-во «Весь мир», 2003. – 376 с.

25.О перевыборах делегатских женских собраний в городе и деревне под углом перестройки их работы: постановление ЦК ВКП(б) от 26 сентября 1930 г. // Справочник партийного работника. – Вып. VIII. – М.: Госполитиздат, 1934. – С. 384–385.

26.О проведении революционной законности и судостроительства среди национальных меньшинств Уральской области // Резолюции 1-го Областного совещания работников среди национальных меньшинств 17–20 декабря 1927 г. – Свердловск: Издание Уралоблисполкома, 1928. – 27 с.

27.Объединенный государственный архив Челябинской области. – Ф. П-334. – Оп. 2. – Д. 19.

28.Омельяничук С. В. К вопросу о насилии против женщины в древнерусской семье // Женщины и мужчины и в контексте исторических перемен. – М.: ИЭА РАН, 2012. – Т. 2. – С. 216–219.

29.Организационные вопросы. (Партийное и советское строительство): резолюция XVII съезда ВКП(б) // XVII съезда ВКП(б) (26 января – 10 февраля 1934 г.): Стенографический отчет. URL: http://hrono.info/dokum/1934vk_pb17/pril_1.php (дата обращения 15 сентября 2014).

30.Пермский государственный архив новейшей истории. – Ф. 754. – Оп. 1. Д. 73.

31.Православная газета. Екатеринбург. URL: <http://orthodox-newspaper.ru/sobor/at13627> (дата обращения 12 сентября 2014).

32.Пушкарева Н. А. Русская женщина: история и современность. Два века изучения «женской темы» русской и зарубежной науки, 1800–2000. – М.: Ладомир, 2002. – 522 с.

33.Пушкарева Н. А. Женщина в русской семье: динамика социокультурных изменений X – XIX вв.: автореф. дис. ... докт. ист. наук. – М., 1997. – 52 с.

34. Савин И. В. Социокультурный облик российской интеллигенции в годы гражданской войны: 1917–1920 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Кропоткин, 2006. – 208 с.
35. Савчук А. А. Чубаровское дело как прецедент законодательства и социокультурное явление в Советской России 1920-х гг. // Женщины и мужчины и в контексте исторических перемен. – М.: ИЭА РАН, 2012. – Т. 2. – С. 235–238.
36. Сталин И. В. Речь на заседании Организационного бюро ЦК ВКП (б) 30 декабря 1929 г. // Партийное строительство. – 1930. – № 2. – С. 71.
37. Стрелянова (Калабухина) П. Н. Красный террор на Кубани. 1918–1920 гг.: Публикация // Кубанский сборник. – 2006. – №1 (22). – Ч. III. URL: <http://www.gipanis.ru/?level=312&type=page&lid=284> (дата обращения 12 сентября 2014).
38. Сытник И. Г. Женский вопрос в политике государства и его решение на Южном Урале: 1918–1930 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Оренбург, 2006. – 194 с.
39. Табатадзе Г. С. насилие как социальное явление // Вестник Волгоградского государственного университета. – Сер. 7: Философия. Социология и социальные технологии. – 2003. – Вып. 3. – С. 109–116.
40. Тарабрина О. А. Политика советского государства в решении «женского вопроса» в годы Гражданской войны (ноябрь 1917 – 1920 гг.): замыслы и реалии: дис. ... канд. ист. наук. – Самара, 2006. – 262 с.
41. Тертышный А. Т. Деятельность партийных организаций Урала по привлечению женщин к государственному управлению в годы Гражданской войны (1919–1920) // Ученые записки Уральского университета. – 1970. – № 103. – Сер. История. – Вып. 18: Из истории партийных организаций Урала / отв. ред. Ф. П. Быстрых. – С. 38–56.
42. Хасбулатова О. А. Социально-исторический опыт и традиции женского движения в России (1860–1917): дис. ... докт. ист. наук. – М., 1995. – 368 с.
43. Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее ЦДООСО). – Ф. 4. – Оп. 8. – Д. 524.
44. ЦДООСО. – Ф. 4. – Оп. 13. – Д. 527.
45. ЦДООСО. – Ф. 1494. – Оп. 1. – Д. 175.
46. Чернышев А. Логика кошмара // Тюменский исторический сборник. Вып. IV / отв. ред. В. Я. Темплинг. – Тюмень: Изд-во ТГУ, 2000. С. 171–182.

УДК 94 (470+571) + 323.2(470)

Форсова Н.К.

Южно-Уральский государственный университет

**Влияние исторического традиционализма
на формирование гражданского
общества в России**

Статья раскрывает специфику формирования гражданского общества в России, предопределенную ее историческими традициями: менталитетом, особой ролью государства, влиянием православия, правовым нигилизмом. Делается вывод о том, что сегодня для России, как страны «догоняющей модернизации», предпочтительной является консервативно-либеральная модель развития гражданского общества, характеризующаяся синтезом экономического либерализма с духовно-культурным консерватизмом.

Ключевые слова: гражданское общество, традиция, менталитет, правовой нигилизм, патернализм, права человека, массовое сознание, либерализм, консерватизм, автократизм, модернизация.

UDC 94 (470+571) + 323.2(470)

Forsova N.K.

South Ural State University

Effect of historic traditions on the formation of civil society in Russia

The article reveals the specifics of the formation of civil society in Russia, predefined its historical traditions: the mentality, the special role of the state, the influence of Orthodoxy, legal nihilism. The conclusion is that today, for Russia, as the country's "catch-up modernization" is preferred conservative-liberal model of development of civil society, characterized by a synthesis of economic liberalism with the spiritual and cultural conservatism.

Keywords: civil society, tradition, mentality, legal nihilism, human rights, mass consciousness, liberalism, conservatism, autocratic, modernization.

CDU 94 (470+571) + 323.2(470)

Forsova N. K.
Universidad Estatal de los Montes Urales S

La influencia del tradicionalismo histórico sobre la formación de la sociedad civil en Rusia

El artículo muestra el carácter específico de la formación de la sociedad civil en Rusia, determinado por sus tradiciones históricas: mentalidades, papel especial del Estado, influencia de la Iglesia ortodoxa y nihilismo jurídico, entre otras. La autora llega a la conclusión de que hoy en día, para Rusia, como un país que "persigue la modernización que se le escapa", es preferible un modelo de conservadurismo liberal del desarrollo de la sociedad civil que se caracteriza por la síntesis del liberalismo económico con el conservadurismo espiritual y cultural del pueblo.

Palabras-clave: sociedad civil, tradición, mentalidad, nihilismo jurídico, paternalismo, derechos humanos, conciencia de masas, liberalismo, conservadurismo, autocratismo, modernización.

В последнее время много сказано и написано о необходимости и желательности для России гражданского общества. С его формированием связаны надежды на возрождение страны. Интенсивная работа, которая проводится сегодня учеными и политиками в области конструирования теоретических моделей российского гражданского общества, нередко копирует западные образцы, перенося их на нашу российскую почву без учета национальных особенностей и традиций, что заканчивается неудачей и дискредитирует саму идею. Формируя национальную модель гражданского общества нужно учитывать ряд принципиальных традиционных ценностей нашего исторического развития.

В каждой конкретной стране формируется **национально-специфическая** модель гражданского общества, на которую большое влияние оказывают цивилизационные и традиционные ценности, с их учетом можно выделить три основные модели.

Первая, западная модель базируется на либеральных ценностях, строится с учетом прав и свобод

граждан, признается их равенство в рамках закона, реализуется принцип социальной справедливости, общественное управление функционирует с помощью демократического механизма, конституционно закреплено разделение властей и политический плюрализм.

Вторая, модель восточная. Она характеризуется синтезом традиционных институтов и заимствованных западных институтов демократии. В институциональном строении общества доминирует община, конфессия, этнические объединения. Все это вызывает мутацию демократических институтов и их адаптацию к традиционализму.

Третья модель характерна для современной России, сочетающей признаки традиционализма и западных институтов гражданского общества, привнося при этом свои специфические черты, связанные с социокультурными традициями, обусловленными российской политической практикой.

Важнейшей особенностью политической практики России на протяжении всей истории стало устойчивое воспроизводство традиционализма, что привело к преобладанию поддани-

ческо-патерналистского типа политической культуры, при которой пассивное поведение граждан, вторичность их интересов и приоритет интересов власти и государства стали нормой жизни

Формирование подобной политической традиции происходило в сложной природной и геополитической среде, что обусловило ведущую роль государства в общественном развитии и мобилизационный тип общества. Традиции русской власти имели для общества сакральную природу происхождения, в связи с этим институт политического лидерства в истории России играл огромную роль в политических процессах. Государственные традиции закрепляли патернализм в массовом сознании общества, который с помощью своих коллективистских ориентаций способствовал сохранению социального единства и сомобытности.

Население России традиционно возлагает большие надежды на государство, особенно на опеку с его стороны. Эта патерналистская позиция является оборотной стороной принципа взаимного невмешательства. Ее корни лежат еще в досоветской эпохе, в вере в «доброту царя». От-

сюда проистекает вера в легитимность авторитарных правителей, большие надежды на государство, именно опеку с его стороны и благополучие.

Политические режимы на протяжении истории менялись, однако смены социокультурной парадигмы не происходило, сохранялись: моносубъектность власти, ее персонификация, традиционная иерархия структуры государственного управления, отчуждение большей части общества от реального участия в политической жизни, патернализм, тяга к «сильной руке», завышенные ожидания по отношению к государству, не сформированность политической субъектности членов общества, попытки осуществить реформы сверху при неподготовленности общества к их восприятию.

Это порождает патерналистскую, маятниковую модель гражданского общества, где государство поддерживает еще не окрепшее гражданское общество. Институциональными формами поддержки является Совет при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества, инициирование различных гражданских форумов создание обще-

ственных палат и советов. Становление гражданского общества в политическом пространстве современной России происходит при весомом участии государства, приобретает форму конструирования гражданского общества.

Государство прибегает к методам «приручения» независимых общественных структур, интегрирует их в свою систему. Это приводит к частичному сращиванию с государством таких институтов как органы местного самоуправления, общественные палаты, изменению статуса политических партий, которые постепенно превращаются из общественно-государственных институтов в инструмент самоорганизации правящей элиты. Власть стремится не допускать открытого противостояния государства и гражданского общества, применяя компенсационный механизм «реформа-контр-реформа».

В современной России наблюдается двойственный характер государственной политики, для которой характерно сочетание несбалансированности элементов традиционализма и современности, что приводит к имитации демократических институтов, девальвации демократических ценностей в

глазах социума.

Гражданская идея всегда проявляла себя в России в солидарности, взаимопомощи. Отсюда превосходство духовного фактора над материальным в определении целей и интересов личности как важнейшая традиция нашего социума. Духовный реформизм сочетался с убеждением в приоритете духовных ценностей над политическими. Политическим, институциональным преобразованиям должны предшествовать преобразования в массовом общественном сознании. Прежние политические российские институты, имеющие вековые традиции, должны быть сохранены, пока общество в целом не созрело до уровня гражданского правосознания. Возможность правового государства мыслилась в контексте духовного возрождения России.

Большое влияние на формирование гражданского общества оказывают и традиционные ценности православия. Это влияние противоречиво. С одной стороны, по мере обращения к религии социально-политическое сознание россиян становится более консервативным, не принимаются ценности либе-

ральной демократии, еще А.И. Герцен назвал либерализм «экзотическим цветком», который не мог укорениться на русской почве. Эти ценности отчуждаются духовным и культурным опытом православия, развивавшегося в мире монархического государства, сочетающегося с неконкурентной политической культурой и патерналистским обществом. Современное православие восприняло и закрепило этот идеал, что создает основу для признания как данности складывающихся социальных порядков. В России религиозная форма легитимизации власти обосновывает иерархическую модель структурирования власти – сверху признанием одностороннего доверия. Правитель имеет божественную санкцию на власть, а послушание ему воспринимается как добродетель. Православная церковь в отношениях с государством следует принципу симфонии, что противоречит демократическим тенденциям современного мира, предполагающего, что влияние религии зависит не столько от ее взаимоотношений с государством, сколько от ее позиции, доверия и авторитета в граж-

данском обществе.

С другой стороны, коллективистская модель гражданского общества, которая развивалась в России под влиянием православия, является более гуманной. Православная традиция гражданского общества, как совокупности людей, связанных общими ценностями сотрудничества и солидарности, на первый план выдвигает не экономические, а этические приоритеты, которые защищают личность и права каждого человека более полно. Если эконоцентристское гражданское общество рождает массового потребителя и примитивную массовую культуру, то этикоцентристская модель способствует совершенствованию человеческих отношений, развивая культурную традицию, апеллируя к ценностным идеалам. Это вытекает из разницы духовных установок, воспитанных православием в России и католичеством и протестантизмом на Западе. Эта важная особенность нашего исторического и духовного развития нередко сегодня игнорируется при формировании гражданского общества, которому механически навязываются образ-

цы политической культуры передовых обществ.

Важной традицией российского менталитета является правовой нигилизм. Его распространение в современном российском обществе является одним из проявлений общего социокультурного и правокультурного кризиса. Нигилистическое отношение к праву укоренено в специфике правового менталитета россиян, составляя одну из характеристик отечественной культурной традиции. На протяжении всего исторического развития в нашей стране было распространено пренебрежение к праву, которое в современных условиях усугубляется целым рядом негативных факторов таких как несоблюдение конституционных прав и свобод граждан, принятие законов, не соответствующих Конституции РФ, несоблюдение государственными органами, ведомственными и должностными лицами установленных государством предписаний, несовершенство законодательства, деформация правосознания, выражающаяся в криминализации общественных отношений, коррупции.

Правовой нигилизм проявляется в сегодняшней России как на массовом,

обыденном уровне так и на уровне ведомственного, бюрократического нигилизма, проявляющегося в расхождении общегосударственных интересов и потребностей с ведомственными и местническими. Характерными чертами его является, с одной стороны, неуважение к правам человека, а с другой стороны, неуважение к закону как высшему источнику права. В результате в России сегодня проявляется тенденция «культурного дуализма», характерная по мнению Г. Алмонда и Б. Пауэллса-младшего для новых государств: «когда немногочисленная элита модернизирована, или «социализирована» в рамках особых универсалистских, прагматических ориентаций, символизирующих «современную» культуру, в то время как огромное большинство населения остается связанным костными, расплывчатыми и аскринтивными моделями традиции» [2, с. 15].

Правовой нигилизм значительной части общества привел к социокультурному расколу, вызванному противодействием внедрению правовой культуры демократического общества, основанного на таких ценностях как личность

(индивидуальность), собственность (материальное благополучие), законность (строгая правовая регламентация и ответственность в поведении и взаимодействии социальных субъектов), что приведет к утверждению правокультурных стандартов гражданского общества.

Для преодоления правового нигилизма как основного элемента политической и правовой культуры российских граждан необходим целый комплекс правовых средств, государственных мер, общественных усилий, без которых формирование гражданского общества невозможно. Это, прежде всего: повышение авторитета закона, который должен действовать стабильно, создание высококачественной системы правового обслуживания, последовательная юридическая политика государства, необходимая для воспитания у граждан и

должностных лиц уважения к праву, формирование стабильной и непрерывной системы правового образования и просвещения в области прав человека

Гражданское общество необходимо России, чтобы считаться цивилизованной страной, вступать в равные партнерские отношения с другими странами, быть конкурентно способной на международной арене. На современном этапе развития невозможно игнорировать достижения мировой общественности и жить в вакууме. Гражданское общество – это естественная необходимость современной цивилизации, но, формируя его, нужно учитывать исторические традиции государства и помнить, что « российская демократия не будет механически копировать зарубежные образцы... политическую культуру не переделать простым подражанием политическим обычаям передо-

Библиографический список

1. Герцен А.И. Русский народ и социализм. Письмо к И.Мишле (1851) // Антология мировой политической мысли: В 5 т. – М.:Мысль,1997. – Т.3. – С. 772.
- 2.Кантор В.К. Личность и власть в России: сотворение катастрофы // Вопросы философии. – 1998. – №7.
3. Медведев Д.А. Россия вперед // URL:www.kremlin.ru.

PV-PRO. COMPLEX PROBLEMS OF A MODERN POLICY

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИЯМ

Требования к сопроводительным документам:

* экспертное заключение для открытой печати

* рекомендация к публикации

***Требования к срокам подачи статей:**

* до 20 марта в первый номер года

* до 20 октября во второй номер года

Требования к содержанию статей:

* социально-политическая и гуманитарная направленность

* комплексный и междисциплинарный характер

Требования к форме статей:

Редактор Ms Word, формат A4, шрифт Times New Roman, интервал 1 пт, красная строка 1 см, поля 2x2x2x2 см,

Требования к структуре статей:

УДК, название, список авторов, аннотация (150–200 слов), ключевые слова, текст статьи (примерно 10 страниц), библиографический список (5–15 названий)

Требования к языку статей:

* статья может быть представлена на любом языке

* название, список авторов, аннотация (150–200 слов), ключевые слова повторяются на русском, английском языках и языке оригинала статьи

При оформлении статей рекомендуется пользоваться требованиями БД SCOPUS

REQUIREMENTS CONCERNING THE PUBLICATION

Requirements concerning the enclosed information:

*experts' decision on public print

*recommendation for publication

***Requirements concerning the deadline for submitting the articles:**

*March 20 - for the first issue of the year

*October 20 - for the second issue of the year

Requirements concerning the content of the articles:

*social and political focus

*complex and interdisciplinary character

Requirements concerning the articles' form:

Microsoft Word, A4, font of Times New Roman, interval of 1 pt., paragraph break of 1 cm, margins of 2x2x2x2 cm

Requirements concerning the articles' structure:

Universal Decimal Classification, title, authors, annotation (of 150 to 200 words), key words, the article's text (comprising of approximately 10 pages), bibliography (of 5 to 15 items)

Requirements concerning the articles' language:

*The article can be presented in any language

*The title, the authors, the annotation (of 150 to 200 words), key words are repeated in Russian, English as well as in the language of an original article

While writing the articles the recommendations of bibliographic database SCOPUS are advised to follow

PV-PRO. COMPLEX PROBLEMS OF A MODERN POLICY

LES EXIGENCES RELATIVES A LA PUBLICATION

Les exigences envers l'information d'accompagnement

- * avis d'expert pour la presse
- * recommandation à la publication

****Les exigences concernant les délais de la présentation des articles***

- * jusqu'au 20 mars pour le premier numéro de l'année
- * jusqu'au 20 octobre pour le deuxième numéro de l'année

Les exigences au contenu des articles

- * les sujets socio- politiques et humanitaires
- * le caractère global (complexe) et interdisciplinaire

Les exigences concernant la forme des articles

Ms Word, format A4, police de caractères Times New Roman, intervalle 1, alinéa 1 cm, marges 2x2x2x2 cm

Les exigences concernant la structure des articles

CDU (classification décimale universelle), le titre, la liste des auteurs, l'annotation (150-200 mots), les mots-clés, le texte de l'article (appr. 10 pages), le répertoire bibliographique (5- plus titres)

Les exigences concernant la langue des articles

- * l'article peut être présenté dans n'importe quelle langue
- * le titre, la liste des auteurs, l'annotation (150-200 mots), les mots-clés doivent être faits en russe, en anglais et dans la langue originale de l'article

Il est recommandé de lire les exigences de la base de données SCOPUS en faisant la présentation des articles

REQUISITOS PARA PUBLICACIÓN

Requisitos para información de aceptación:

- * dictámenes para edición abierta
- * recomendación para publicación

**** Calendario para fechas de entrega de artículos:***

- * para el primer número del año hasta 20 de marzo
- * para el segundo número del año hasta 20 de octubre

Requisitos para el contenido de artículos:

- * orientación socio-política y humanitaria
- * carácter complejo y interdisciplinario

Requisitos para la forma del artículo:

redactor Ms Word, formato: A4, letras: Times New Roman, intervalo 1 (пт), sangría 1 sm., márgenes: 2x2x2x2 sm.

Requisitos para estructura del artículo:

título, la lista de autores, anotación (150-200 palabras), palabras-clave. Texto del artículo (aproximadamente 10 páginas), lista bibliográfica (5-15 títulos)

Requisitos para idioma de artículos:

- * El artículo puede ser presentado en cualquier idioma
- * título, lista de autores, anotación (150-200 palabras), palabras-clave se repiten en idioma ruso, inglés y también en idioma original del artículo

Para el formato de los artículos se recomienda aprovechar los requisitos de БД SCOPUS